

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР.
Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

№ 2 (781)

10 января 1939 г., вторник

Цена 30 коп.

Художественная и историческая правда

Романтик Шиллер часто изображал своих героев носителями протеста против окружающей жизни, предвещателями надвигающейся грозы 1789 года, в то время как в действительности они выражали реакционные исторические тенденции. Романтик Гюго в душевной драме каторжника Жана Валжана искал доказательства несостоятельности, негодности, несправедливости буржуазного строя.

Волевое обращение Шиллера и Гюго с историей, продиктованное самыми добрыми намерениями, было предопределено в такой же мере их художественным методом, как и ограниченностью их мировоззрения. Они не могли правильно понять прошлое, так как не знали тех законов общественной борьбы, по которым совершаются исторические события.

Лев Толстой в жетугу предвзвотой и неверной концепции исторического процесса порой приносил свои интересы художника; и те страницы «Войны и мира», которые гениально изображают психологию и поведение русского народа и отдельных его представителей, убедительно полемизируют против тех страниц романа, на которых его великий автор пытается подогнать исторические события под свою теорию. Если реалист-художник берет верх над моралистом-историком, если подавляющее большинство героев романа живет правдивой жизнью, то это значит, что Толстой-реалист побеждает Толстого, породившего его.

Толстой писал о читателях «Войны и мира»: «Многие из этих читателей недовольны тем, что я уничтожаю признания славы. Отчего бы не отдать славу русскому народу, и Ростопчину, и князю Вюртембергскому... все можно вместе. Отвечая на это, я должен повторить трижды, — что я старался писать историю народа. И потому Ростопчину, говоривший о союзе Москву, как Наполеон, я называю своим наркомом, не может никак быть великим человеком, если народ есть не только баранов». «...Искусство же имеет закон, и если я художник, и если Кутузов изображен мной хорошо, то это не потому, что мне так захотелось (я тут не при чем), а потому, что фигура эта имеет условия художественные, а другая нет... На что много любителей Наполеона, а ни один поэт не сделал из него образа и никогда не сделает».

Если один художник своими историческими произведениями пытался взорвать мосты от прошлого к настоящему, то другие прямо и непосредственно соединяли то, что было, с тем, что есть, в прошлом искали уроки для современности. Но искали их очень по-разному: реакционно-романтическая школа апеллировала к «доброты старина», против «дурной новизны»; школа революционно-романтическая ужасалась мнимому злобному будущему, а другая же — ждала в будущем еще более злого настоящего. Художники-реалисты нередко использовали историю для отрицания истории, для обоснования своих скептических или пессимистических выводов о будущем судьбах человечества. Но при всем этом различии идейных заданий и художественных приемов такие произведения во многих случаях обладали общим свойством: историческая правда подчинена тенденции художника. Это, конечно, не значит, что в мировой литературе не было произведений, отражающих объективную историческую правду, быть может, даже помимо воли самого художника. Такими, например, романы Л. Толстого, такова «Капитанская дочка» А. Пушкина. Великий поэт ищет источник тех важнейших исторических явлений, развитие которых предопределяет и будущие судьбы его страны и его народа. Он чужд предвзвотой тенденции и поэтому он правильно видит и изображает полную историческую тенденцию, направление реального исторического процесса.

Когда Маркс и Энгельс критиковали трагедию Лассалля — «Фрэнц фон Зинкнгейн», они не только обвинили автора в дурной «шиллеровщине» и в пренебрежении шпейерскими традициями. Они указывали на коренную причину неудач трагедии: искажение исторической правды.

Лассаль обратился к неудавшемуся рыцарскому воителю 1523 года и к трагедии его вожди Зинкнгейна и Ульриха фон Гуттена потому, что хотел из событий прошлого извлечь уроки для настоящего. Маркс вполне одобрил и намерение Лассалля и выбор исторического материала. Он подчеркнул, что трагическая коллизия 1523 года соответствует той коллизии, в которой находилась революционная партия в Германии в 1848—49 годах.

Ровное противоречие между субъективными устремлениями Зинкнгейна, субъективными его устремлениями и объективным положением и реальными возможностями действия, «между историческими необходимостью и практической невозможностью его осуществления» — такая историческая правда и художественное воплощение событий XVI века были бы поучительны и для людей века XIX. Однако Лассаль, как известно, не понял этой исторической правды и поэтому искажал историю в своей трагедии; отсюда художественное несовершенство и ошибочность его трагедии: она учила совсем не тому, чему могла бы и должна была бы учить... Советскому писателю, если его привлекает историческая тема, следует продумать сделанный Марксом и Энгельсом разбор трагедии Лассалля: он учит правильно, научному подходу к историческому материалу, учит правильно связывать современность с прошлым. Это тем более необходимо, что в художественной практике и в некоторых, так сказать, «теоретических высказываниях» в среде литераторов в последнее время проскальзывала абсолютно неверная и вредная установка Порокского о необходимости фальсификации истории.

Это приводит к фальсификации истории в ряде произведений на исторические темы. Советский художник, владеющий марксистско-ленинским учением, умеет видеть и понимать события в их внутренних противоречивых развитии. Он не останавливается в изучении перед тем, что данное событие имеет и прогрессивные и реакционные тенденции; он разбирается в том, какие из этих тенденций отмирают, какие растут и развиваются и потому являются основными... Наш исторический роман должен быть не только занимательным, но и познавательным, а писатель — не только художником, но исследователем, вооруженным передовой наукой.

Советская литература всерьез и глубоко заинтересовалась историческими темами. Это хорошо и правильно при том, конечно, условия, что ведущей и решающей остается задача художественного изображения героического стиля советской эры. Наша литература и наше искусство имеют большие возможности исторически и художественно правдиво воспроизводить прошлые события, рисовать людей прошлого. Партия вооружила художников замечательным теоретическим оружием. «Краткий курс истории ВКП(б)» учит нас правильно рассматривать и понимать события в их конкретном развитии, учит понимать направление, ход и исход каждого исторического процесса.

Советскому писателю надлежит помнить, что: «...не герой делает историю, а история делает героя, следовательно, — не герой создает народ, а народ создает героя и двигает вперед историю».

Партия, народ требуют от советских художников самого главного и самого важного — исторической и художественной правды. Только правда и именно правда о прошлом поучительна для настоящего и познана для будущего. Правда о том, как жили народы нашей страны, как через века насилья, беспрепятства, работая проносили они неиссякаемую любовь в своей земле, к родике, как боролись они за свое освобождение — за создание социалистического отечества свободных народов... У нас еще очень мало создано исторических произведений о народных героях, о людях типа Салавата Юлаева, Ивана Болотникова, Степана Разина. На протяжении ряда веков мы видим героев, борющихся с теми силами нашей страны, как через века насилья, беспрепятства, работая проносили они неиссякаемую любовь в своей земле, к родике, как боролись они за свое освобождение — за создание социалистического отечества свободных народов... У нас еще очень мало создано исторических произведений о народных героях, о людях типа Салавата Юлаева, Ивана Болотникова, Степана Разина. На протяжении ряда веков мы видим героев, борющихся с теми силами нашей страны, как через века насилья, беспрепятства, работая проносили они неиссякаемую любовь в своей земле, к родике, как боролись они за свое освобождение — за создание социалистического отечества свободных народов... У нас еще очень мало создано исторических произведений о народных героях, о людях типа Салавата Юлаева, Ивана Болотникова, Степана Разина.

Разработанный под таким углом зрения историческом произведении самая трагическая коллизия будет всегда утверждением оптимистична. Абсолютная верность исторической правде не только не исключает, но требует огромной творческой свободы художника. Вымысел, воображение писателя оживляют подлинный исторический материал, помогают ему проникнуть в психологию, в поведение людей далекого прошлого. И по отношению к реальным историческим лицам, будь то Наполеон или Петр I, Кузьма Минин или Александр Невский, Иван Болотников или Пугачев, — художник не только имеет право, но и обязан прибегать к своей фантазии. Не тогда он ошибается, когда приписывает Фридриху II или Наполеону слова, какие не значатся в мемуарах или письмах, но которые соответствуют правильному пониманию характера и роли данного исторического лица; художник тогда неправ, когда заимствованные из документов полные слова и поступки он не умеет использовать для создания живого исторического образа.

Маркс и Энгельс призывали к изображению исторических деятелей «суровыми ребрагровскими красками во всей своей женственной яркости».

Художник волен в выборе средств художественного изображения. Строго реалистическая, романтическая, мелодраматическая и хроникальная форма равно пригодны для использования исторических сюжетов. Правда историческая и художественная должна быть в них!

Советская литература гордится прекрасными историческими произведениями — «Петр I», А. Толстого, «Тихий Дон», М. Шолохова, «Степан Разин» А. Чапыгина. Теперь перед нашими писателями поставлена грандиозная задача: воспроизвести в художественных образах историю Великой Социалистической Октябрьской революции, историю ВКП(б), избравшие величайших гениев человечества Ленина и Сталина и их замечательных соратников. Это благороднейшая и благодарнейшая из всех задач, какие когда-либо стояли перед литературой.

Литература социалистической эпохи свободна от исторической ограниченности мышления художников прежних времен, она не нуждается в предвзвотых и противоречивых правде тенденциях.

Правда истории человечества — это правда борьбы против тирании и угнетения, за полное раскрепощение, за превращение премирности классового общества в подлинную и счастливую историю коммунистического человечества. И в этом — тенденция, в этом партийность советского искусства, вооруженного научной теорией марксизма-ленинизма.

Разъяснение СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР, ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков) И ВСЕСОЮЗНОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

О ВЗЫСКАНИЯХ ЗА ОПОЗДАНИЕ НА РАБОТУ

При издании Постановления от 28 декабря 1938 года «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле» СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС в вопросе об опозданиях на работу исходили из существующей практики и действующих в предприятиях и учреждениях Правил внутреннего трудового распорядка, согласно которым опоздание является явкой на работу не позднее, чем в течение 10—15 минут после начала работы, а приход на работу после этого времени считается прогулом.

В связи с поступающими запросами Совет Народных Комиссаров Союза ССР, Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов разъясняют:

1. Вызкания за опоздание на работу без уважительных причин, которые предусмотрены статьей 1 Постановления СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 года, должны применяться за опоздание, не превышающее 20 минут после начала работы в предприятиях или учреждениях.

2. Рабочие и служащие, которые без уважительных причин явились на работу с опозданием более, чем на 20 минут, к работе не допускаются, считаются прогульщиками и подлежат немедленному увольнению.

Прокурору Союза ССР даны указания о неуклонном привлечении к судебной ответственности руководителей предприятий, учреждений, цехов и отделов, уклонявшихся от проведения соответствующих мер и оставляющих безнаказанными нарушителей трудовой дисциплины. (ТАСС).

Ленинградские журналы не выполняют постановления СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). В ленинградском отделении Гослитиздата рабочий день начинается в 10 час. утра.

В 10 час. 30 мин. дверь редакции «Литературного современника» была еще затвора.

Мы постучали. — Направленный труд, — сказал кто-то из сотрудников издательства, проходивший по коридору. — в такую рань никого здесь не застанете.

И все же через полчаса дверь в редакцию открылась. Пришли заведующий редакцией Т. Рубин и литературный секретарь Т. Липшицкий.

— Да, — подтвердили они, — мы начинаем работать с 11 час. Неужели об этом не написано на двери? Вы правы, való будет повесить плакатик...

— Когда можно увидеть ответственного редактора Т. Мирошниченко?

— Видите ли, т. Мирошниченко сейчас в отпуску, но в правде горюга, твердых часов приема у него еще нет.

— Ну, а заместитель ответственного редактора Ф. Князев?

— Загляните в 3 ч. дня, думаем, что он не опоздает...

— А заведующий отделом критики И. Григберг?

— С т. Григбергом дело несколько сложнее: во-первых, он бывает только по нечетным числам; во-вторых, он бывает лишь от 12 до 2 час. или от 3 до 5 час.; в-третьих, он уехал в Москву по командировке Ленинград, где т. Григберг служит по совместительству, и когда он теперь явится в редакцию, — неизвестно.

В небольшую комнату, в которой помещается редакция «Литературного современника», приехали все новые и новые посетители. Вскоре здесь создалась страшная толпа. В ожидании редакторов посетители беседовали, спорили, шутили, беспрестанно отрывали от работы и за редакцией и литературного секретаря.

— Вот видите, — сказал нам пришедший в 3 ч. дня т. Князев, — в такой обстановке работать трудно, поэтому читать и редактировать рукописи наши работники предпочитают дома.

Это верно. В редакцию редакторы и заведующие отделами приходят на 2—3 часа и то не ежедневно. Но и эти «часы приема» соблюдаются плохо. Часто работники редакции приходят с опозданиями, а то и вовсе ограничиваются телефонными звонками:

— Меня ждут? Пить посетителям! Передайте, что меня сегодня не будет...

Редакция «Звезда» помещается в Доме писателя им. Маяковского. На плакате,

В ЮБИЛЕЙНОМ ШЕВЧЕНКОВСКОМ КОМИТЕТЕ ССР

4 января в клубе писателей состоялась собрание критиков и литературоведов, созванное юбилейным Шевченковским комитетом.

Тов. Гоффеншфер ознакомил собравшихся с содержанием шевченковских номеров журналов «Литературный критик» и «Литературное обозрение».

Руководитель отдела Ленинской библиотеки готовит большой сборник, посвященный Шевченко. Содержание его состоит: автографов поэта, среди которых много неизвестных материалов, официальные документы, характеризующие николаевскую Россию, и связанные с Шевченко цензурные материалы.

7 января Шевченковский комитет устроит совещание с представителями лекционных организаций и музеев Москвы.

ВСЕМ ПАРТИЙНЫМ И СОВЕТСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, ВСЕМ БОЛЬШЕВИКАМ, ПАРТИЙНЫМ И БЕСПАРТИЙНЫМ, ВСЕМ ГРАЖДАНАМ СССР.

О проведении всесоюзной переписи населения.

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) и Совет Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик подчеркивают громадное политическое и хозяйственное значение начинающейся 17 января с. г. всесоюзной переписи населения.

Всесоюзная перепись населения должна быть проведена организованно, без единого пропуска, без ошибок; она должна дать полную и точную картину численности и состава населения СССР.

ЦК ВКП(б) и СНК СССР обязывают все партийные и советские организации обеспечить всемерную помощь работникам переписи и принять все необходимые меры, чтобы всесоюзная перепись населения была проведена образцово.

ЦК ВКП(б) и СНК СССР призывают всех партийных и беспартийных большевиков, всех граждан СССР содействовать работникам переписи населения в осуществлении этого всенародного дела.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б). СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР. 8 января 1939 года.

ГРУЗИНСКИЙ НАРОД И ШЕВЧЕНКО

Приближается 125-летие со дня рождения великого украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко.

Эту дату наша страна отмечает как большой праздник всех братских народов Советского Союза.

Защита интересов угнетенного белеейшего крестьянства и национально-освободительное движение сблизили Илью Чавчавадзе, Перетели и многих других поэтов их поколения с творчеством Тараса Шевченко. Великие писатели XIX столетия привили грузинскому народу любовь к украинскому поэту. Акакий Перетели лично встречался с Тарасом Шевченко, который привозил на него глубокие впечатления. Перетели всю жизнь вспоминал о Шевченко и горлолюбил его поэзию. С такой же любовью относился к поэзии Шевченко грузинские писатели и общественные деятели — Нико Николадзе, Дмитрий Квицини, Ситован Хундадзе и другие.

Известный писатель Ал. Гарсеванишвили перевел ряд стихотворений Шевченко. Он развешивал в период реакции по селам и городам Грузии и читал доклады о «Певце украинского народа Тарасе Шевченко». Такие доклады в то время были и выступлениями против царского самодержавия.

В 1911 году доклад Гарсеванишвили был издан отдельной книгой. В том же году революционно настроенная грузинская интеллигенция широко отметила пятидесятилетие со дня смерти великого поэта.

И это было в то время, когда российские самодержавие селало между порабощенными народами антагонизм и душло их культуру.

Советская власть принесла народам бывшей России свободу, открыла широкий простор для развития их творческих сил. Юбилей Пушкина и Руставели в СССР явились замечательной демонстрацией стальной дружбы народов, взаимного уважения и любви. Поэт советской Украины М. Байхан дал к юбилею Руставели прекрасный перевод на украинский язык поэмы «Витязь в титровой шкуре». Лучшие мастера украинского слова П. Тычина, М. Рыльский, М. Бажия посвятили Руставели и его родные стихи, полные тепла и любви.

С такой же радостью и любовью встречают наступающий юбилей Тараса Шевченко грузинские писатели.

Еще два года назад грузинские поэты решили приступить к новым переводам поэм и стихов Тараса Шевченко. Хотя некоторые из старых переводов стихов Т. Шевченко на грузинский язык и пользовались большой популярностью, но все же большая часть старых переводов не передавала той высокой художественной образности и музыкальности, которые свойственны поэзии Шевченко.

ВЫБОРЫ БЮРО ЕВРЕЙСКОЙ СЕКЦИИ ССР

4 января в еврейской секции союза советских писателей состоялась выборы бюро. Секретарь секции П. Маркшич выступил с отчетным докладом.

П. Маркшич считает достижением еврейской секции налаживание творческой связи между московским, украинским и белорусскими отрядами еврейских писателей. И. Нусинов сделал сообщение о начинающемся выходе с текущего года в Москве еженедельного литературно-художественного журнала «Геймлян» («Родина»). До сих пор в Москве на еврейском языке выходил только литературно-художественный альманах «Советиш».

Э. Гордон критикует работу бюро секции, указывая, что за 10 лет актив секции не вырос.

М. Давидов жалуется на отсутствие творческой атмосферы в секции, на то, что в альманах «Советиш» неизменно вытискиваются только два-три литературных имени.

Р. Рубина указывает на неправильный тон и направление докладов. Вместо делового обсуждения на заседаниях часто царит юбилейное словословие.

О создании творческой обстановки в секции говорили также тт. Орманский, Хенкина, Закс, Бергельсон и Кушниров. А. Филев в своем выступлении заявил, что еврейская секция страдает нечетками, которые в значительной мере присущи и всему союзу писателей. Некоторые писатели еще не забывали от рапповской тенденции всю работу литературы строить на личных взаимоотношениях и не терпят критики.

Тайным голосованием выбрано бюро в составе тт. Маркшича, Орманского, Гордона, Нусинова, Годинера, Гурштейна и Бергельсона.

После выборов был заслушан доклад делегации секции, выезжавшей недавно в Киев и Бердичев, и состоялся краткий обмен мнений о задачах нового бюро. Решено в ближайшее время созвать в Москве пленум юбилейного комитета Шолохова.

Советские поэты Грузии поставили перед собой задачу по возможности передать на грузинском языке характерное ритмическое и метрическое звучание стихов великого украинского поэта и их глубокую внутреннюю силу.

В этой большой работе советским писателям Грузии помогла поэтическая культура Ильи Чавчавадзе и Акакия Перетели. Их поэзия была не только идейно родственна поэзии Шевченко, но и приближалась к ней своими художественными приемами.

Сейчас мы уже имеем в Грузии почти полный сборник переводов произведений Шевченко. Смело можно утверждать, что большинство этих переводов удовлетворяет повышенные запросы сегодняшнего читателя.

До последнего времени в Грузии полностью не была издана ни одна из поэм Шевченко. Теперь известные поэмы Шевченко переведены полностью («Кавказ», «Сон», «Катерина», «Гайдамаки») и будут выпущены Детиздатом Грузии.

Госиздат Грузии готовит к юбилейным дням полный сборник стихов и поэм Тараса Шевченко («Кобзарь»). Издательство «Федерация» уже выпустило в свет отдельные издания «Сон», «Гайдамаки» и «Катерину».

Печатается в Детиздате и выйдет к юбилейным дням монография «Жизнь и творчество Тараса Шевченко». Издательство «Федерация» издает к юбилею сборник, в котором будут помещены статьи о поэзии Шевченко, документы, связанные с его жизнью и творчеством, и стихи грузинских поэтов, посвященные Т. Г. Шевченко.

Грузинские композиторы работают над созданием новых песен на текст Шевченко.

При союзе советских писателей Грузии организована юбилейная комиссия, которая руководит всеми переписанными работами. Юбилейный комитет разработал также план посвященных творчеству Шевченко вечеров, которые будут проводиться в городах и селах Грузии, в колхозах и на предприятиях. Один из таких вечеров уже состоялся в селе Марткови. Он привлек многолюдную аудиторию и вызвал среди колхозников большой интерес.

С чувством горячей братской любви, вполной сердца грузинского народа, мы встречаем юбилей великого поэта братского украинского народа Тараса Шевченко, чье поэтическое наследие вошло в золотой фонд литературы народов Советского Союза.

АЛИО МАШАШВИЛИ,
СИМОН ЧИКОВАНИ.

ФИЛЬМ «ЛЕНИН»

К 15-летию со дня смерти В. И. Ленина режиссер-орденоносцем М. Ромм закончил постановку второй серии звукового художественного фильма «Ленин» (первая серия фильма — «Ленин в Октябре» была показана к 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции). Серия фильма проходит в киностудии Мосфильм. Режиссеру осталось заснять последнюю эпизод — «Ленин и Горький».

Главные роли в фильме исполняют артисты: Шуккин (Ленин), Голованов (Сталин), Боголюбов (Ворошилов), Марков (Дзержинский), Богатов (Молотов), Белов (Калинин), Лобина (Брунская), Черкасов (Горький), Охлопков (рабочий Василий), Ваня (Матвеев). Роль Я. М. Свердлова в фильме исполняет его брат Г. М. Свердлов.

Автор сценария — Алексей Каплер. Главный художник — Дубровский-Эшк. Фильм снимает оператор Волчек.

К ЮБИЛЕЮ «САСУНЦИ ДАВИД»

ЕРЕВАН. (Наш. корр.). Полностью закончен подстрочный перевод народного эпоса «Сасунци Давид». Текст подстрочника проверен и отредактирован составителями своного текста всего эпоса. Полный текст подстрочника высылается в Грузию, Азербайджан, Украину, Белоруссию и другие республики для перевода эпоса на языки народов СССР.

Грузинский научно-исследовательский институт им. Марра к тысячелетию знаменитого армянского эпоса «Сасунци Давид» выпускает на грузинском языке стихотворный перевод эпоса.

А. А.

Великий певец киргизского народа Токтогул Сатылганов

В дореволюционной Киргизии песня, сложенная акыном-импровизатором, заменяла народу несуществующие тогда киргизские книги, газеты, театр. В бытностях и аздах, отрезанных от всего мира высокими горными перевалами, песня не только развлекала юных джигитов и престарелых аксакалов, — она являлась источником новостей, средством воспитания, оружием формирования общественного мнения.

Естественно, что в этих условиях рождаясь, мананы и богачи-бай стремились подчинить себе акынов-импровизаторов.

Почти каждый манан имел своего придворного акыма, который ради чашки ячменной похлебки — джармы, был вынужден выступать на празднествах — токах, поминках и других сборищах народа — с посвящением в честь своего хозяина и с язвительной хулой против его врагов. Непокорных акынов мананы изгоняли из рода, разоряли и обрекали на голодную смерть.

Однако находились смельчаки, которые, несмотря на грозившую им гибель, не только отказывались славословить мананов, но и выступали открыто против своих вечных угнетателей, призывая народ на борьбу с ними.

В числе этих верных народу, благородных и доблестных певцов одно из первых и почетнейших мест принадлежит великому киргизскому акыну и композитору Токтогулу Сатылганову, скончавшемуся в 1933 году.

Токтогул Сатылганов, сын бедняка из Кетмень-Тюбе, в ранней юности вынужден был вынестись в батраки к баю. Прекрасные стихи и песни начал слагать молодой батрак. Затем Токтогул бросил работу у хозяина и отправился, как многие певцы того времени, странствовать, распевая свои песни на склонах и в горах.

Рассказывая в своих песнях о горестях и страданиях бедноты, Токтогул горячо и смело выступал против гнета баев и мананов, против парских колонизаторов.

В 1898 году, когда вспыхнуло Андрижское восстание, Токтогул отправился в горы, призывая киргизов своими возмущающими песнями на борьбу. Из песен того времени особенно известна его гневная и язвительная песня, направленная против пяти братьев-мананов, долгое время угнетавших бедняков Кетмень-Тюбе.

Эта песня сыграла роковую роль в судьбе Токтогула: мананы обвинили певца в бунтарстве и подстрекательстве к восстанию. Токтогул был арестован и осужден царским правительством на каторжные работы и ссылки в Сибирь на 25 лет.

Однако ссылка и каторга не сломили свобододобывшего певца. Много замечательных песен сложил Токтогул в Сибирь. В этих стихах из заключения он с полнотой народным оптимизмом воспевал неизбежный приход свободы.

После восьмилетнего пребывания на каторге Токтогул бежал. Два года продолжались его странствования, пока он достиг наконец своей отчизны.

Узнав о возвращении непокорного певца, бай и мананы решили снова выдать его царской администрации. Токтогула предупредили о готовящемся предательстве. Вместо того, чтобы бежать и скрываться, что он очень легко мог сделать, Токтогул, рассчитывая на помощь бедноты, приехал на многолюдные поминки и обратился непосредственно с песней к народу, прося у него защиты.

ВСТРЕЧА С НАРОДОМ

Народ мой! Я снова встречаю тебя,
Попрежнему верно и крепко любя,
Но, словно скакун после трудных дорог,
Устал я, замучен, ослаб, занемог.

Пусть буду лежать незаметно в камнях,
Народ, все равно ты заметишь меня,
Огромный народ, пред тобой я стою,
Не думай, что жизнь я скрываю свою.

Я с юности ранней изгнанником был,
Я черные думы на сердце носил,
Годами истерзан, тревогой гоним,
Я прибыл на тризну в долину Арым,
С приветственной песней стою пред тобой,
Родимый народ, драгоценный ты мой!

Я с юности каторжным пленником был,
Туман над моей головою кружил,
И долгие годы среди мрака и мглы,
И вот я на тризне пою Тойбалы,
Возлюблен душою, стою пред тобой,
Родимый народ, драгоценный ты мой!

Я с юности каторжным пленником был,
Туман над моей головою кружил,
И долгие годы среди мрака и мглы,
И вот я на тризне пою Тойбалы,
Возлюблен душою, стою пред тобой,
Родимый народ, драгоценный ты мой!

Я с юности каторжным пленником был,
Туман над моей головою кружил,
И долгие годы среди мрака и мглы,
И вот я на тризне пою Тойбалы,
Возлюблен душою, стою пред тобой,
Родимый народ, драгоценный ты мой!

Я с юности каторжным пленником был,
Туман над моей головою кружил,
И долгие годы среди мрака и мглы,
И вот я на тризне пою Тойбалы,
Возлюблен душою, стою пред тобой,
Родимый народ, драгоценный ты мой!

Я с юности каторжным пленником был,
Туман над моей головою кружил,
И долгие годы среди мрака и мглы,
И вот я на тризне пою Тойбалы,
Возлюблен душою, стою пред тобой,
Родимый народ, драгоценный ты мой!

Я с юности каторжным пленником был,
Туман над моей головою кружил,
И долгие годы среди мрака и мглы,
И вот я на тризне пою Тойбалы,
Возлюблен душою, стою пред тобой,
Родимый народ, драгоценный ты мой!

Я с юности каторжным пленником был,
Туман над моей головою кружил,
И долгие годы среди мрака и мглы,
И вот я на тризне пою Тойбалы,
Возлюблен душою, стою пред тобой,
Родимый народ, драгоценный ты мой!

Я с юности каторжным пленником был,
Туман над моей головою кружил,
И долгие годы среди мрака и мглы,
И вот я на тризне пою Тойбалы,
Возлюблен душою, стою пред тобой,
Родимый народ, драгоценный ты мой!

Я вновь на отчизне средь гор и полей,
Я вновь пред тобой, но тревоги туман
Тяжелым предчувствием давит мне грудь,
Волнуюсь я тем, что зловещий тиран
Меня в кандалы хочет снова вернуть.

Не я запевая, а сердце поет —
Я сердце склоняю к тебе, мой народ,
Внимайте мне, юноши и старики!
Без вас эти годы мне были горьки.

Огромный народ, окруживший меня,
Когда-то за песни любивший меня,
Надеюсь я, бедный певец Токтогул,
Что ты от мучений избавишь меня!

Народ — миллионы, народ — исполин,
А я, одинокий в народе, — один;
Как яблоко, сбитое ветром с ветвей,
Я к яблоне жажду вернуться своей,
Чтоб вместе с народом идти по пути,
Чтоб силой народной и жить и цвести.

Народ моей волости! Ваши сердца
Слышали о горестной жизни певца,
Теперь не вернется в тюрьму Токтогул,
Назад не вернется во тьму Токтогул.
Армы народ! Ты, злодеев кляня,
Я верю, возьмешь под защиту меня.

Как слабая птица от коршунов злых,
Летел я на сложенных крыльях своих,
В кустах и в тенищах обрывистых скал
Я, прясаясь в тревоге, спасенья искал,
Но встретясь с народом в предгорьях
Родных,
Я верю, что час избавленья настал!

Как слабая птица от коршунов злых,
Летел я на сложенных крыльях своих,
В кустах и в тенищах обрывистых скал
Я, прясаясь в тревоге, спасенья искал,
Но встретясь с народом в предгорьях
Родных,
Я верю, что час избавленья настал!

Как слабая птица от коршунов злых,
Летел я на сложенных крыльях своих,
В кустах и в тенищах обрывистых скал
Я, прясаясь в тревоге, спасенья искал,
Но встретясь с народом в предгорьях
Родных,
Я верю, что час избавленья настал!

Как слабая птица от коршунов злых,
Летел я на сложенных крыльях своих,
В кустах и в тенищах обрывистых скал
Я, прясаясь в тревоге, спасенья искал,
Но встретясь с народом в предгорьях
Родных,
Я верю, что час избавленья настал!

Как слабая птица от коршунов злых,
Летел я на сложенных крыльях своих,
В кустах и в тенищах обрывистых скал
Я, прясаясь в тревоге, спасенья искал,
Но встретясь с народом в предгорьях
Родных,
Я верю, что час избавленья настал!

Ты, жизнь, пройдешь в короткий миг,
Но кривни и жкошь, — не напрямик,
И даже тем, кто пыл до дна,
Твоя сокрыта глубина!

Когда приходит жизнь, она —
Светла, как полная луна,
Когда уходит жизнь, она,
Как степь безводная, темна.

Когда приходит жизнь, она,
Как солнечный восход, ясна,
Когда уходит жизнь, она —
Бредет печальной горбуна.

Начало жизни, как цветы
В дугах нагорной высоты,
А жизни прожитой конец,
Как страшный скорченный мертвец.

Для тех, кто молод, дни идут
Спокойно, как в степях верблюд,
Но дни бегут от тех, кто стар,
Быстрей, чем скачущий тьюльпар!

В дни юности ты для меня
Была подобием коня,
Но стала к старости потом —
Скворцом, покинувшим свой дом.

Я помню, в детстве, вдалеке
Была ты пишею в руке,
А старости пришла пора —
Ты — неприступная гора.

О, жизнь, ты на заре своей
Летишь, как майский соловей,
Уходишь годы, и тогда
Ты, жизнь, как птица без гнезда.

Когда приходит жизнь, она
Потоку горному равна,
А уходя с твоих дорог,
Она слабей, чем ветерок.

Для тех, кто молод и крылат,
Сверкаешь ты, как ценный клад,
Для тех, кто стар и сед,
Ты, жизнь, как птица без гнезда.

ЖИЗНЬ

Под старость — падаешь к ногам,
Как зверь, понавшийся в капкан.

Тебя сравнил я на бегу
С конем летящим на байгу,
А в старости, я вижу, ты
Шуршишь, как желтые листья.

Была ты юной предо мной,
Как луг, сверкающий весной,
А старая — лежишь вдали
Разбитым комузом² в пыли.

Под солнцем юной красоты,
Как зеркало, блистаешь ты,
Но станешь тусклой от морщин,
Как старый, брошенный кувшин.

Когда родится человек,
Сверкает жизнь, как горный снег,
Когда стареет, — с горных круч
Она летит мрачнее туч.

Когда, о жизнь, приходишь ты,
Ласкаешь нежно, как цветы,
Когда уходишь, чуть дыша,
Смердишь и чешешь, как парша.

Ничто не вечно. Все пройдет,
Все, что рождается, умрет,
И только труд упорный твой
Не знает смерти роковой.

Когда ты смел — шагай вперед,
Героев тлене не берет,
Лишь тот, кем дорожит народ,
В любви народной не умрет!

Перевел с киргизского
В. ВИННИКОВ.

¹ Тьюльпар — легендарный крылатый конь.
² Комуз — киргизский национальный инструмент.

«Серьезная операция»

Герой романа Джордж Андерсон — владетель котлоры по продаже угля. Он унаследовал от отца доходное предприятие в Глазго. Послевоенный кризис был особенно жесток в угольной промышленности. Андерсон разорен. Ему не помогли ни старые деловые связи, ни накопленные отцом капиталы.

Неудачно сложилась и личная жизнь Андерсона. Он разорен, тяжело болен, жена ушла к любовнику — автору пошлых пьес и вальсах преуспевающего косметического заведения.

Андерсон нуждается в серьезной операции. Он вынужден лечь в общественный госпиталь, который содержится на средства благотворительности. Знаменитый хирург Додд делает Андерсону серьезную операцию: блестящая техника Додда позволяет Андерсону оправиться от смертельного недуга.

Большое влияние на Андерсона оказывают знакомство с коммунистом, лидером безработных Мак Келви, оказавшимся в одной с ним палате. Больной Мак Келви находит силы и терпение для того, чтобы помочь вырваться из борта жизни и покинутому своим классом и своей семьей Андерсону вновь найти свое место в жизни. Андерсон знакомится с жизнью рабочих, о которой он в сущности не имел никакого представления.

Если бы не духовная помощь Мак Келви, за которую Андерсон платяется, как утопающий за соломинку, он либо покончил бы самоубийством, либо, может быть, примкнул бы к фашистам. Но Мак Келви, крупный политический работник, возглавляющий движение безработных, находит время для воспитания Андерсона. Мак Келви не участвует в демонстрации безработных и гибнет от знамен в руках под ударами полицейских, падающими на безоружную демонстрацию.

Это настоящее художественное произведение. Джемс Барк умело пользуется оружием иронии: его юмор и «сухой» шотландский юмор одинаково умеет разить врага и подшучивать над другом. Барк все время обращается к читателю, делает его как бы участником переживаемых героями событий, вступает с читателем в непринужденную беседу, под-

нимая участие в демонстрации безработных и гибнет от знамен в руках под ударами полицейских, падающими на безоружную демонстрацию.

Это настоящее художественное произведение. Джемс Барк умело пользуется оружием иронии: его юмор и «сухой» шотландский юмор одинаково умеет разить врага и подшучивать над другом. Барк все время обращается к читателю, делает его как бы участником переживаемых героями событий, вступает с читателем в непринужденную беседу, под-

нимая участие в демонстрации безработных и гибнет от знамен в руках под ударами полицейских, падающими на безоружную демонстрацию.

Джемс Барк. «Серьезная операция». Перевод с английского Т. Промуиной и Н. Дегтяревой. Гослитиздат, М. 1938.

Джемс Барк. «Серьезная операция». Перевод с английского Т. Промуиной и Н. Дегтяревой. Гослитиздат, М. 1938.

Джемс Барк. «Серьезная операция». Перевод с английского Т. Промуиной и Н. Дегтяревой. Гослитиздат, М. 1938.

ую отчуждений от основного сюжета романа. Эти отступления создают как бы фон романа. Они посвящены городу Глазго — крупнейшему после Лондона центру Британских островов, «Второй столице империи», по выражению автора. Поэтому не будет преувеличением сказать, что У книги Барка есть и второй герой — город Глазго. Барк — патриот Шотландии и патриот Англии, он гордится своей страной и своим народом, он хочет и ищет счастья для него и видит, что социальная медицина капитализма слабее медицины Додда и ему подобных.

«Кризис продолжал подтачивать экономическую жизнь, основу существования Второй столицы. Кровь столицы, некогда красная и пульсирующая, истощалась; она капала, серая, как дождь. И жизнь под влиянием кризиса стала такой же серой и мрачной.»

«Множество хирургов собралось у головы Второй столицы; тут были и специалисты по усилению и сестры. Одни хирурги стояли за антисептику, другие — за асептику. Но ничто не могло остановить серую кровь; она продолжала капать. Большой умрал...»

Джемс Барк, по-видимому, немало работал над своим романом, но в романе все еще есть много лишнего. Читателю порой трудно уследить за множеством действующих лиц, в сущности несколько не заслуживающих того, чтобы они останавливались на себе внимание. Барк все еще находится под литературным влиянием Джойса; в особенности заметно это в первой части романа, все действие которой разворачивается в течение одного дня. В манере Джойса и перемежаются действия, в котором трудно бывает отыскать сюжетную нить рассказа, и смешение действия с психологическими переживаниями героев и их мыслями, в беспорядке и без видимой связи набегающими друг на друга. Если за ассоциациями Джойса следить трудно, и до сих пор ни один переводчик не смог еще перевести «Улисса» сколько-нибудь верно, то за ассоциациями Барка уследить не удастся, и переводчикам, работавшим под руководством такого опытного редактора, как Н. И. Дарузе.

Редация «Всемирной библиотеки» хорошо сделала бы, если бы в исключение от обычного правила сопроводила роман небольшим комментарием или примечаниями.

Редация «Всемирной библиотеки» хорошо сделала бы, если бы в исключение от обычного правила сопроводила роман небольшим комментарием или примечаниями.

Редация «Всемирной библиотеки» хорошо сделала бы, если бы в исключение от обычного правила сопроводила роман небольшим комментарием или примечаниями.

Редация «Всемирной библиотеки» хорошо сделала бы, если бы в исключение от обычного правила сопроводила роман небольшим комментарием или примечаниями.

Редация «Всемирной библиотеки» хорошо сделала бы, если бы в исключение от обычного правила сопроводила роман небольшим комментарием или примечаниями.

Редация «Всемирной библиотеки» хорошо сделала бы, если бы в исключение от обычного правила сопроводила роман небольшим комментарием или примечаниями.

Редация «Всемирной библиотеки» хорошо сделала бы, если бы в исключение от обычного правила сопроводила роман небольшим комментарием или примечаниями.

Редация «Всемирной библиотеки» хорошо сделала бы, если бы в исключение от обычного правила сопроводила роман небольшим комментарием или примечаниями.

Редация «Всемирной библиотеки» хорошо сделала бы, если бы в исключение от обычного правила сопроводила роман небольшим комментарием или примечаниями.

Редация «Всемирной библиотеки» хорошо сделала бы, если бы в исключение от обычного правила сопроводила роман небольшим комментарием или примечаниями.

Редация «Всемирной библиотеки» хорошо сделала бы, если бы в исключение от обычного правила сопроводила роман небольшим комментарием или примечаниями.

Редация «Всемирной библиотеки» хорошо сделала бы, если бы в исключение от обычного правила сопроводила роман небольшим комментарием или примечаниями.

Редация «Всемирной библиотеки» хорошо сделала бы, если бы в исключение от обычного правила сопроводила роман небольшим комментарием или примечаниями.

Редация «Всемирной библиотеки» хорошо сделала бы, если бы в исключение от обычного правила сопроводила роман небольшим комментарием или примечаниями.

Редация «Всемирной библиотеки» хорошо сделала бы, если бы в исключение от обычного правила сопроводила роман небольшим комментарием или примечаниями.

Редация «Всемирной библиотеки» хорошо сделала бы, если бы в исключение от обычного правила сопроводила роман небольшим комментарием или примечаниями.

Редация «Всемирной библиотеки» хорошо сделала бы, если бы в исключение от обычного правила сопроводила роман небольшим комментарием или примечаниями.

Редация «Всемирной библиотеки» хорошо сделала бы, если бы в исключение от обычного правила сопроводила роман небольшим комментарием или примечаниями.

Редация «Всемирной библиотеки» хорошо сделала бы, если бы в исключение от обычного правила сопроводила роман небольшим комментарием или примечаниями.

Редация «Всемирной библиотеки» хорошо сделала бы, если бы в исключение от обычного правила сопроводила роман небольшим комментарием или примечаниями.

Редация «Всемирной библиотеки» хорошо сделала бы, если бы в исключение от обычного правила сопроводила роман небольшим комментарием или примечаниями.

Редация «Всемирной библиотеки» хорошо сделала бы, если бы в исключение от обычного правила сопроводила роман небольшим комментарием или примечаниями.

Редация «Всемирной библиотеки» хорошо сделала бы, если бы в исключение от обычного правила сопроводила роман небольшим комментарием или примечаниями.

Редация «Всемирной библиотеки» хорошо сделала бы, если бы в исключение от обычного правила сопроводила роман небольшим комментарием или примечаниями.

Редация «Всемирной библиотеки» хорошо сделала бы, если бы в исключение от обычного правила сопроводила роман небольшим комментарием или примечаниями.

Редация «Всемирной библиотеки» хорошо сделала бы, если бы в исключение от обычного правила сопроводила роман небольшим комментарием или примечаниями.

Редация «Всемирной библиотеки» хорошо сделала бы, если бы в исключение от обычного правила сопроводила роман небольшим комментарием или примечаниями.

Подготовка к юбилею Навои

Узбекистан готовится к празднованию юбилея своего великого писателя и мыслителя Алишера Навои, как к общенародному празднику. Чтобы ознакомить широкие народные массы с жизнью и творчеством писателя, правительственный юбилейный комитет выпустил ряд книг, популяризирующих произведения Навои.

В начале будущего года на узбекском и русском языках выйдет научная биография Навои, написанная литературоведом Шафаруковым под редакцией и с предисловием Сатты Хусеинова.

На узбекском языке в массовых изда-

ниях выпускаются поэма Навои «Фархад и Ширин» в прозаическом изложении, а также сборник его лирических стихотворений.

Подготавливается перевод на русский язык поэмы «Фархад и Ширин», избранных лирических стихотворений из «Чар-Девана», пословиц и афоризмов Навои. Перевод этих произведений делается советскими учениками под редакцией профессора В. Э. Бертельса.

В течение 1939 г. будут сделаны еще новые переводы произведений Навои на русский язык; в общем намечено пере-

сти пятьдесят тысяч строк поэзии и двадцать печатных листов прозы.

В правительственном юбилейном комитете организованы комиссии: текстологическая — для проверки текстов Навои, научная — для проведения научно-исследовательских работ и лингвистическая, которой поручено в течение 1939 г. подготовить толковый словарь к произведениям писателя.

В Ташкенте откроется выставка, посвященная творчеству Навои и раскрывающая значение этого творчества для узбекского народа и социалистической куль-

туры. Выставлены рукописи и печатные произведения Навои, вся европейская и восточная литература о его творчестве, документы, характеризующие жизненный путь и эпоху, в которой жил поэт.

Правительственным юбилейным комитетом утвержден обширный план издания в 1939—1940 гг. произведений и писем Навои, произведений его предшественников и последователей, а также хрестоматий узбекской поэзии и прозы от Навои до наших дней.

Тысячи китайских сирот, чьи родители погибли, защищая родину от японских захватчиков, принимают горячее участие в культурном освождении фронта. Так родились детские театральные бригады, которыми руководят педагоги и студенты. Маленькие артисты выступают перед отдыхающими бойцами, разыгрывая сцены собственного сочинения. Чаще всего это — инсценировки патристических песен. На снимке: хор девочек, исполняющих одну из национальных песен.

Тысячи китайских сирот, чьи родители погибли, защищая родину от японских захватчиков, принимают горячее участие в культурном освождении фронта. Так родились детские театральные бригады, которыми руководят педагоги и студенты. Маленькие артисты выступают перед отдыхающими бойцами, разыгрывая сцены собственного сочинения. Чаще всего это — инсценировки патристических песен. На снимке: хор девочек, исполняющих одну из национальных песен.

Тысячи китайских сирот, чьи родители погибли, защищая родину от японских захватчиков, принимают горячее участие в культурном освождении фронта. Так родились детские театральные бригады, которыми руководят педагоги и студенты. Маленькие артисты выступают перед отдыхающими бойцами, разыгрывая сцены собственного сочинения. Чаще всего это — инсценировки патристических песен. На снимке: хор девочек, исполняющих одну из национальных песен.

Тысячи китайских сирот, чьи родители погибли, защищая родину от японских захватчиков, принимают горячее участие в культурном освождении фронта. Так родились детские театральные бригады, которыми руководят педагоги и студенты. Маленькие артисты выступают перед отдыхающими бойцами, разыгрывая сцены собственного сочинения. Чаще всего это — инсценировки патристических песен. На снимке: хор девочек, исполняющих одну из национальных песен.

Тысячи китайских сирот, чьи родители погибли, защищая родину от японских захватчиков, принимают горячее участие в культурном освождении фронта. Так родились детские театральные бригады, которыми руководят педагоги и студенты. Маленькие артисты выступают перед отдыхающими бойцами, разыгрывая сцены собственного сочинения. Чаще всего это — инсценировки патристических песен. На снимке: хор девочек, исполняющих одну из национальных песен.

Тысячи китайских сирот, чьи родители погибли, защищая родину от японских захватчиков, принимают горячее участие в культурном освождении фронта. Так родились детские театральные бригады, которыми руководят педагоги и студенты. Маленькие артисты выступают перед отдыхающими бойцами, разыгрывая сцены собственного сочинения. Чаще всего это — инсценировки патристических песен. На снимке: хор девочек, исполняющих одну из национальных песен.

Тысячи китайских сирот, чьи родители погибли, защищая родину от японских захватчиков, принимают горячее участие в культурном освождении фронта. Так родились детские театральные бригады, которыми руководят педагоги и студенты. Маленькие артисты выступают перед отдыхающими бойцами, разыгрывая сцены собственного сочинения. Чаще всего это — инсценировки патристических песен. На снимке: хор девочек, исполняющих одну из национальных песен.

Тысячи китайских сирот, чьи родители погибли, защищая родину от японских захватчиков, принимают горячее участие в культурном освождении фронта. Так родились детские театральные бригады, которыми руководят педагоги и студенты. Маленькие артисты выступают перед отдыхающими бойцами, разыгрывая сцены собственного сочинения. Чаще всего это — инсценировки патристических песен. На снимке: хор девочек, исполняющих одну из национальных песен.

Тысячи китайских сирот, чьи родители погибли, защищая родину от японских захватчиков, принимают горячее участие в культурном освождении фронта. Так родились детские театральные бригады, которыми руководят педагоги и студенты. Маленькие артисты выступают перед отдыхающими бойцами, разыгрывая сцены собственного сочинения. Чаще всего это — инсценировки патристических песен. На снимке: хор девочек, исполняющих одну из национальных песен.

Тысячи китайских сирот, чьи родители погибли, защищая родину от японских захватчиков, принимают горячее участие в культурном освождении фронта. Так родились детские театральные бригады, которыми руководят педагоги и студенты. Маленькие артисты выступают перед отдыхающими бойцами, разыгрывая сцены собственного сочинения. Чаще всего это — инсценировки патристических песен. На снимке: хор девочек, исполняющих одну из национальных песен.

Тысячи китайских сирот, чьи родители погибли, защищая родину от японских захватчиков, принимают горячее участие в культурном освождении фронта. Так родились детские театральные бригады, которыми руководят педагоги и студенты. Маленькие артисты выступают перед отдыхающими бойцами, разыгрывая сцены собственного сочинения. Чаще всего это — инсценировки патристических песен. На снимке: хор девочек, исполняющих одну из национальных песен.

Тысячи китайских сирот, чьи родители погибли, защищая родину от японских захватчиков, принимают горячее участие в культурном освождении фронта. Так родились детские театральные бригады, которыми руководят педагоги и студенты. Маленькие артисты выступают перед отдыхающими бойцами, разыгрывая сцены собственного сочинения. Чаще всего это — инсценировки патристических песен. На снимке: хор девочек, исполняющих одну из национальных песен.

Тысячи китайских сирот, чьи родители погибли, защищая родину от японских захватчиков, принимают горячее участие в культурном освождении фронта. Так родились детские театральные бригады, которыми руководят педагоги и студенты. Маленькие артисты выступают перед отдыхающими бойцами, разыгрывая сцены собственного сочинения. Чаще всего это — инсценировки патристических песен. На снимке: хор девочек, исполняющих одну из национальных песен.

Тысячи китайских сирот, чьи родители погибли, защищая родину от японских захватчиков, принимают горячее участие в культурном освождении фронта. Так родились детские театральные бригады, которыми руководят педагоги и студенты. Маленькие артисты выступают перед отдыхающими бойцами, разыгрывая сцены собственного сочинения. Чаще всего это — инсценировки патристических песен. На снимке: хор девочек, исполняющих одну из национальных песен.

ПРАЗДНИК И БУДНИ

С. БОНДАРИН

Среди молодых писателей говорят о современности спокойного тона, тона, свободного от неумеренной патетики. Исходя из того, что первое достоинство произведения — его правдивость, забывают в дальнейшем, что художественная убедительность достигается гармонией жизненной правды с чувством прекрасного. Освобождаясь от патетики, непримиримых, но лживых реалистов нередко лишают свое произведение и поэзии, необходимого качества всякого художественного произведения.

«В маленьком городе» — роман А. Письменного — открывает одиннадцатую книжку журнала «Красная новь».

Изначное название удачно охватывает фабулу романа. Молодой инженер Муравьев разведся со своей любимой женой и в надежде забыться, меняет Москву на городок, затерянный среди Муромских лесов, названный автором Косьюгой. Все в этом городке обложено своим жизнью металлургическому комбинату с его новейшими работниками, с легендами о прошлом заводе, возникшем при Екатерине. Любимый разговор косынянских жителей сводят к отходу преданиям. Не потому ли люди так охотно говорят о романтическом прошлом, что в настоящее время похвалиться они не могут? Новый мартовский цех построили, беззащитно отстает. Превосходные печи едва поддерживают свое бесславное существование, тогда как на старых печах производственные ударники достигают все новых успехов. Если верить начальнику цеха инженеру Соколовскому, причетливо встретившего своего нового заместителя, причины отставания очень серьезные, очень тревожные — вредительство. Завод поражен планомерным вредительством. Доводы? Муравьев сталкивается с этим в ближайшие дни. И верно: вскоре Муравьев понимает, что чья-то рука вредит то здесь, то там. Но почему же Соколовский терпит, отнекиваясь намеками, чего-то дожидаясь? Да, шуметь не надо: осторожность, настойчивость, выдержка. И вот, в принужденном ожидании развязки, Муравьев с увлечением работает, с иронией присматривается к жизни городка, с потовостью сходится с женою своего начальника, женщиной привлекательной, умной, но отравленной сточными высокомерием, и с удивительным хладнокровием эту женщину оставляет.

Обманутого муж, очень симпатичный человек, Иван Иванович Соколовский, тем временем добивается правды на заводе: директор, с которым он вел борьбу, и другие вредители разоблачены. Все становится на свои места, мартен идет в гору. А потому устами того же Соколовского разоблачен и бесстыдный поступок Муравьева: осуждая провинциализм, Муравьев повел себя с чужою женой, как «заурядный пошлый провинциал». И, наконец, Вера Михайловна, жена Соколовского, презиравшая усилия энергичных женщин Косьюги поддержать уют, чистоту, культуру, садится и соглашается принять участие в общественной жизни.

Толстовскую «Анну Каренину» можно переписать несколькими фразами, но в сосредоточенном пересказе того, как милая, честная молодая женщина изменила своему равнодушному мужу и как люто она была наказана за свое желание счастья, — и в переказе романа неизбежно чувствуешь его драматизм, всю силу и меткость удара художника. Обрванная фабула, можно сказать тогда: в этом произведении автора волнует уже не прелесть сюжета... Гармония одухотворила произведение, отменив его образы, чувства и мысль.

О чем же трагует роман Письменного? В чем его поэзия и общая мысль? На первый взгляд, это — роман о революционном смещении понятий и нравов: провинция перестала быть провинциальной, там, где значилась провинция с ее домиками, застоявшейся лужей и стадами гусей, теперь найдешь не только гусей, но и все симптомы переломной жизни столицы. Провинция и провинциализм отжили. Всюду люди работают на общее благо, затронутые общими гражданскими интересами, выделенные общими чертами советского человека.

Приветствуем интересное и правильное намерение художника!

Но — увы — всматриваясь, видишь, что это не так. Фабула произведения еще не

определяет его художественную идею. Ответа на вопрос: есть у нас в стране провинция или ее нет? — по общей концепции романа не получишь. Всего отпущено по ложке — и в пользу реальности провинциальных картин, и в пользу обратного толкования: футбольная площадка и воляная ступица, демотивация косынянских общественных и симпатии к провинции престарелой актрисы, слушающей в то же по своему супругу, — не решают вопроса, так же как не решают его и слова Соколовского, обращенные к Муравьеву: «... вы — сточный житель, — вели себя здесь, как заурядный пошлый провинциал». В этих словах как будто кроется мораль романа: можно жить вдали от столицы и быть человеком высоких душевных качеств, а приезжий из столицы способен на пошлостный адюльтер.

Верно. Думается, однако, что поведение оскорбленного Соколовского больше говорит о благородстве его характера, чем о нравах Косьюги. К тому же и в старой российской провинции встречались благородные, во чулковатые мужья, просвещенные деятели и самоотверженные служаки. Да, жизнь характеризуется не только ее формами, но и своим духовным уровнем: в малоизвестном городке можно встретить Соколовского, а в столице — черты провинциализма, и в правильнее было бы идти путем различия, а не путем аналогии. Что характерно для маленького городка в нашей стране? Что там нового сравнительно с Москвой или Киевом?

Но, может быть, это произведение посвящено другой теме — теме о вредительстве. Нет, такое толкование отпадает очень легко. Успех автора приять этим мотивам некоторые обобщения заметны, но в разработке их автор успел немного: то, что могло бы стать интригующим началом произведения, если не его темой, оставляет впечатление маловнятного эпизода.

Но, может быть, наконец, замена Веры Михайловны своему мужу, поведение Муравьева, поведение обманутого Соколовского — в этом сюжет романа, и автора привлекает психология столкнувшихся в этой ситуации людей, их душевные переживания, мораль? Да, наиболее естествен и отчетливо художественное намерение автора проступает тут. Однако история взаимоотношений Муравьева, Соколовского и его жены, буде она выделена в самостоятельный рассказ, безусловно выиграла бы: в романе ее значение затенено другим. А между тем в романе не только есть возможность высказаться полностью, это не только привилегия жанра, но и его требование. Если ты привел читателя к судьбе женщины, изменившей своему мужу, то читатель романа хочет знать все, что ты думаешь по этому поводу. Оттенки случайности, необъяснимости событий в романе быть не должно.

Случается длинный разговор, после которого все же не понимаешь, что, собственно, собеседника звали только, что беспокоит его? Да и выволновал ли он? С таким же ошущением и отбывавшем роман Письменного, занимающий две трети толстого журнала.

Мечта, страстность, увлекательность интриги, длительное напряжение мысли, — ни одно из качеств большого произведения в этом романе не проявлено в достаточной мере. Характеры? Беспорочно удалая автор образы Соколовского и стальной Шарлотки. Но образ Муравьева страдает пороком, общим для всего произведения, — неопределенностью характера и устремлений. Кто он? Действительно ли холодный пошляк, или человек душевный и хмурыгой, но страдающий от своей пошлости? В его байроническую любовь к оставленной жене не веришь, так же как не веришь и в его внезапное охла-

ждение к женщине, которая ему очень нравилась. Можно ли назвать этого человека характерным для его поколения? А ведь Муравьев не только инженер, но и человек сточной культуры!

Люди и их отношения, понятия неправильно или недостаточно, не создают в искусстве реальности типа и положения, так же, как номенклатурные описания кварталов и улиц не создают пейзажа, ни интерьеры. «Дни были жаркие, — пишет Письменный. — Улицы посела были безлюдны, все пряталось от жары.» И через страницу: «Окна были завешены гардинами, на покоевниках стояли цветы в горшках, красные цветы были оплошны застелены ковриками и дорожками. И дальше: «В квартире Турнаевых было три комнаты. В крайней, самой большой и светлой, находилась спальня, из передней был вход в столовую, в которой с трудом помещались большой обеденный стол — своеобразный алтарь семейства Турнаевых, яловый плюшевый диван и buffet. Эти черты стиля не случайны. В романе равномерно выкладываются и арест вредителей, и купанье в пруду, и обед за столом Турнаевых, возвышенное значение которого, кстати говоря, очень провинциально.

«Течение жизни» — вот и все! Вам как бы говорит: «А вот можно еще и об этом», — и следует необязательное описание рыбой ловли или бильярдной игры. А между тем автор как будто способен к тому, другому образу действия, когда пропорциональный и верный подбор, два-три точных и во-время сказанных слова объясняют больше, воображают ярче, чем длинная опись предметов или натуралистическая запись диалогов. Разве не художественнее, не поэтичнее и не точнее такое изображение: «По чутинуному полу в красном дожде пеха бежали таскальщики, вольная со собой на крошечки длинную, извивающуюся теннокрасную полосу железа. Отсюда, со двора, казалось, что люди не тапалт полосу, а бегут от нее, стараясь оторвать выплывшиеся крошечки, и что полосу гонят за людьми, стараясь их ужалить».

И неопределенность поэтической устремленности романа, и отдельные черты его стиля, и его общий утомительный тон предпринят обострением, о котором и нужно говорить. Патетика логична тогда, когда автор намерен вылить только в ней свою достаточную заслугу перед литературой и революцией. Но так же логична и другая крайность — действие по принципу «жизнь — будни, в этом же реальность, а потому исключая из литературы всякую патетичность». Неверно и опасно устанавливать превосходство обывающего! Неверно потому, что утомительный читатель может просто отложить такую «неправильную» книгу, не дочитав ее до конца; опасно потому, что принцип этот, обнаруживающий не что иное, как будничность умонастроения автора, будничность его незрелого глаза, ведет к манере бесстрастной и равнодушной, бессильной перед изображением грандиозного и героического: не наступление на тему, а скорее, уклонение от нее.

Так и случилось с романом «В маленьком городе», отмеченным печатью подобной «принципиальной будничности»: наблюдательность и наблюдательность к материалу подкавыкаются А. Письменного возможность произведения оригинального, интересного и весьма своевременного, но получилось так, что эстетический эффект произведения далеко не пропорционален его объему. Такого результата можно было свободно достигнуть небольшим хорошим рассказом.

В публицистическом отделе будут надеяться, что заметки современного архитектора С. Соловьева и статья В. Ермилова — «Мечта художника и действительность»

Январский номер журнала «Красная новь»

Первый номер журнала «Красная новь» за 1939 г. выйдет в конце января.

В январском номере будут напечатаны: повесть А. Митрофанова — «Ирина Годунова», исторический роман И. Левидова — «Приключения Джонатана Свифта» и повесть В. Валдейко — «Пустыня»; стихи

поэтов Р. Стенского, С. Шипачева и впервые публикуемого молодого поэта — летчика Хломова.

В публицистическом отделе будут надеяться, что заметки современного архитектора С. Соловьева и статья В. Ермилова — «Мечта художника и действительность»

С. ГЕХТ

В. КЕТЛИНСКАЯ И ЕЕ РЕДАКТОР

К сожалению, слишком быстро закончилась важная дискуссия о писателе и редакторе, начатая А. Дерманом. А многим еще есть что сказать. У нас существует, порою, и прачешивание и боязнь творческих ошибок писателя. Без творческих ошибок не может быть и творческих достижений, а человеку широкому, смелому, человеку со вкусом всегда легко отличить ошибку творческую от ошибки политической.

Можно привести много примеров вредного вмешательства чужих редакторов, которые стремятся покрыть рукопись лаком, которые как чорт лапана, боясь сделать в изображении нашей действительности и в области стиля. Есть редакторы, стремящиеся к тому, чтобы все произведение было написано одинаково, элементарно-грамматным и скучнейшим языком трескостерной литературы.

Обо всем этом, если бы дискуссия продолжалась, можно было бы поговорить с фактами в руках. Вероятно, назвали бы несколько славных редакторских фамилий, и широкая литературная общественность узнала бы имена и поступки влдохновенных редакторов, людей со вкусом, которые первых и невидимых критиков, которые своей деятельностью приносят литературе большую пользу, отнимают ее и возмущают.

его редактор Ю. Калашников оказался более выскательным человеком.

В начале романа действие происходит одновременно в разных местах. Комсомольцы заняты своими будничными делами. Вдруг эти дела обрываются. Партия мобилизовала комсомолов и посылает их на Дальний Восток, чтобы на пустынном и диком берегу Амура, в далекой тайге построить новый город. Этот город нужен для обороны, в этом городе будут строить корабли. Герои встретились в поезде, и когда перед ними прошла галерея комсомольцев и комсомолок, мы увидели, что автор показал нам новое, молодое поколение страны. Они все разные, но есть почти у всех одна черта, которая делает их похожими, в хорошем смысле слова. Это — романтическое, мужественное, колючее положение первых пятилеток. Они легко расстались с родными местами, со всей своей налаженной жизнью, они — настоящие герои нашего времени, потому что умеют и мечтать и осуществлять эти мечты, умеют жить будущим и приближать к себе это будущее.

На стройке нового города неблагоприятно. Искусно замаскированные, пробирающиеся в руководство стройкой враги советской власти делают все для того, чтобы молежай упала духом и разуверилась в том, во что верит. Тяжелый был, цыганя, темные слухи делают свое вредное дело, и кое-что падает духом, кое-что дезертирует. Но как ни пакуешься, как ни вредишь врагу — дух революционной молодежи победил. Город вырослен, первый корабль спущен на воду. Выросла и молежай.

Вера Кетлинская, несмотря на множество частных неудач, рассказала нам, как закалялось молодое поколение тридцатых годов. Ее книга хороша потому, что в ней виден ролик, откуда черпали силы эти прекрасные молодые люди, которые, отступая, не отступали и не сдавались. И, падая, поднимались вновь и вновь и добивались того, чего хотели и они, и комсомол, и партия, и народ.

Вера Кетлинская — талантливый литератор, и она, мы уверены в этом, согласи-

лась бы с редактором, если бы он сказал ей, примерно, так:

— В вашем хорошем романе есть ошибки органические, и с ними ничего не поделаешь, об этом вы узнаете в следующей книге, но есть и такие ошибки, которые вы с вами обязаны немедленно удалить, потому что они портят странички романа и приглушают его поэзию.

Какие ошибки имеем мы в виду, считая, что это те самые ошибки, на которые автор имеет право? Роман растянут, у читателя не может не остаться впечатления, что автор должен был сделать его короче и стремительнее. В будничных Сергея по Саладину много лишнего; описывая переживания Клары Капан, Голыцына и Тони Васневой, автор продолжает говорить тогда, когда все уже давным-давно сказано.

И все же тут мы согласны с редактором, который не заставил автора космать и резать роман и вынул книгу в свет с ее несовершенствами. Автор должен был сделать книгу короче, но он еще не смог это сделать, и надо с ним согласиться, потому что книга хороша, и мы простим ей ее многословие. Это не снимает критики, но прощало красноречие — явление вредное. У нас издала роман Малышкина, пыталась искажать роман Крымова. Механическое сокращение — это кажущееся улучшение, на самом деле оно разрушает стиль и ритм книги и скандально автора, который вместе с творческими ошибками имеет и творческие достижения. Операционный нож редактора часто режет живое и здоровое мясо, и всею тогда ясно — лучше бы не оперировать.

О каких не-творческих ошибках идет речь? Их очень много. Слишком часто автор проявляет равнодушие к слову, и удивительно, что редактор не посоветовал ему избавляться от уродливых оборотов речи, грамматически-неправильных фраз. Наталья женщин мужскими прозвищами, автор создает фразы-утопии: «Галчонок была молчалива», «Амурский крокодил регулировала очередь», «Вчерашня Галчонок», «Брокодил сказала» и так без кон-

ВИКТОР ФИНК

Роман о современной Франции

В прошлом году в Париже я встретил своих старых товарищей по иностранному легистону.

Один из них, пятидесятилетний рабочий, пошел сейчас в республиканскую армию драться за свободу революционной Испании. Он был ранен в руку, но я встретил его бодрым и радостным.

— Ничего! — сказал он мне. — В 1915 году я был уже ранен в Шампањи. Но ведь это же не помешало мне через 20 лет взять заживой рукой винтовку!

Эта встреча породила во мне желание написать роман о психологии старого солдата, который выжидал воюет. О неутомимых бойцах, которые сейчас идут добровольцами на войну с фашизмом.

Показать психологию такого человека, друга Советского Союза, заклятого врага фашизма, — идея моего будущего романа.

Это будет роман о современной Франции, о явных и тайных французско-английских фашистах. В нем хочется показать разочарование, которое переживает после мировой войны вся мыслящая Франция, повившая сейчас, как она была обманута. Хочется показать, что народ Франции начинает понимать, во имя чего ему надо бороться в недалеком будущем, когда начнется новая война.

Действие романа развертывается в Париже, на юге Франции, в Голландии и на испанской границе.

Сейчас я закончил сбор и изучение материала и начинаю писать свою книгу.

Конст. ФЕДИН

Размышление о планах

Надо признаться в мучительной тесноте этого занятия: говорить о своих литературных планах с единственной целью — вспомнить планы газет, поставивших себе задачу напечатать что-нибудь о писательских планах.

Газеты нас спрашивают: над чем мы работаем? В такие минуты думаешь: почему газеты не обращаются к писателям с вопросом: вы выполнили вы, уважаемый писатель, свои литературные планы, о которых объявили в прошлом году в таких-то и таких-то газетах?

О, сколько робких писателей тогда не ответил бы на этот действительно деловой вопрос и сколько мужественных писателей должны были бы ответить: нет, мы не выполнили своих планов, или: нет, мы и не думали их выполнять, потому что писали их только для того, чтобы выполнить ваши планы, уважаемые редакция газет. И сколько, наконец, хитроумных писателей ответили бы так: да, мы выполнили свои литературные планы, но наши издатели давя уже не выполняют свои производственные планы.

И в самом деле, как много мы пишем о своих намерениях и как редко, или медленно, их осуществляем. Как запросто, иногда даже не стесняясь с писателями, журналы в начале года дают обещания полисцикам напечатать целые библиотеки новых произведений и с какою феерической легкостью к концу года забывают об этих обещаниях.

Не задумываясь над тем, что читатель — живой человек, наделенный памятью, доверим к слову, обычной человеческой порядочности, писатели декларируют передним замыслам, на осуществление которых потребуются целые горы, либо сообщают о «услубных» названиях каких-либо действий отделиваются ничего не значащим иррыском: «новая повесть», «новый роман».

И предлагаю газетам заменить титр рубрики: «Над чем работают писатели» новым и, по-моему, увлекательным титром: «Почему не выполнили писательские планы?» Вопрос серьезный, злободневный, острый. Ставя его, я естественно должен умолчать о своих будущих планах и проверить, в каком у меня положении находятся настоящие.

У новеллистов

На последнем (34-м) декаднике новеллистов обычных споров не было. Один из рассказов, прочитанных на собрании, был несомненно плох, другой — безусловно хорош; что же касается третьего, то определение его достоинств и недостатков также не вызвало серьезных разногласий.

Первым в порядке чтения был рассказ Шалва Сослана — «Си коули бата».

Народная песня, несколько удачных метафор, акцентированный материал — все это, вероятно, и дало основание большинству выступавших говорить о поэтичности рассказа, о том, что в нем есть «настроение» и некоторые ошущение легендарности. Т. Чернышевский, Тарасов, Гехт, Зозуля, Кожеников отзывались о рассказе одобрительно. Но т. Тарасов указал на отсутствие ясности сюжета и на излишнюю усложненность образов; т. Гехт отметил вычурность манеры Сослана, а также и то, что рассказ пронизан вычурными отычками; т. Кожеников обратил внимание на безнатуральность поступков героев рассказа; т. Левина высказал мнение, что внешняя живописность рассказа не искупает слабого развития сюжета; наконец т. Стрельников говорил об односторонности образа Арсена.

Привавяя ко всему этому также и то, что немаловажное обстоятельство, что в рассказе нет идеи, что характеры персонажей не выразительны, мы должны будем прийти к выводу о несомненной слабости рассказа. Странно, что неосторожно это заключение на собрании высказано не было.

Следующим был прочитан рассказ М. Пратуевича «Прошай, Вячеслав». Единственно призван этот рассказ плохим, написанным в логико-литературной манере, новеллисты были совершенно правы. Следует отметить, впрочем, справедливое замечание т. Рыкачева о том, что «Прошай, Вячеслав» не определяет еще возможности автора: содержание рассказа, видимо, за пределами жизненного опыта Пратуевича и велел за таким, бесспорно плохим рассказом, может быть написан другой, удачный.

Принятый шпоризмом, пороловавшим собрание, был рассказ Олега Эрберга, выступившего у новеллистов, как и т. Пратуевича, впервые. Рассказ называется «Обезьяна». Через степь Афганстана в горном перевале идет караван. Перед караваном растопляется степь, желтая от сухой травы и глины.

Караван продвигается, встречая на своем пути черепя и кости лошадей, выбеленные солнцем. Потроженные змеи уповают, «напоминающая своим шестом кошу, срезывающую сухую траву». И вот караван встречается с пустышкой — обезьяной. Только обезьяны с лютыми итьи через безводную степь пешком. Они ходят из селения в селение, собирая себе на жизнь ирой и песнями. И верно: пустыня не оляна. Он велел за собой индийскую маршину. Зверек, видимо, накопил лапку и теперь болезненно морщится и прихрамывает.

Редки, приятны и замечательны встречи на таких дорогах!

— Желаю вам не чувствовать усталости, — приветствует обезьяну караванников, и они отвечают тем же, предельно ему свои меха с войлой. Но обезьяна не стал

писать прекрасные стихи Иннокентия Анненского, которые тут же искажали. Вертинского вы тоже искажали, но это не беда, стихи паршивые. А в чудесном стихотворении Анненского сказано:

«Не потому, что от не светло... у вас же, как: «не мне светло».

И еще должен был сказать редактор, если бы он был человеком со вкусом:

— Вы рвались описать вожака пролетариата Кирова, не имея на это, в данном случае, «художественного права». Нельзя художественно обелять всем известные образы исторических людей. Из-за вашего телекомиссия Киров, который был трибуном социалистической революции, произносит у вас дурные незначительные фразы. Подумайте, и, если сумеете, переубедите, а не сумеете — исключите эту плохо написанную смену, недостойную памяти великого человека.

Много еще можно было бы сказать невысказанному редактору, но оставим остальное для дискуссии о редакторе и писателе, которую необходимо продолжать, и вернемся к роману. Итак, несмотря на то, что его странички замусорены, мы все же считаем «Мужество» хорошей, волеужней книгой. За нее мы с охотой отдадим десятку глалких романов, в которых никак не прилерился, на которые безуднично, ремесленчески-холодно и которые довольно часто появляются в наших журналах. Потому, например, что история селмейных взаимоотношений Андрея Круглова и его жены Дины дает нам представление о нравственности нашего поколения. Андрей Круглов разбил свою неудачную семейную жизнь, чтобы спасти от болята, — во все это верится, и его победа воспринимается как торжество молодого советского человека. Потому что, несмотря на длинноты и на банальность некоторых положений, книга дит поэзией оживающего края, поэзией разумного, вдохновенного труда. Не все характеры закончены и лсны до конца, но почти все герои — живые люди; и Катя Стрелова, бежавшая от скучного мужа и скучного быта туда, где она всею нужнее и где она рекоз опугит выпучить своей жизни и своего

пять первым. Мех с войлой он уступает обезьяне.

Трогательная привязанность обезьяны к своему зверьку. За что он любит его? Не все ли равно! Он любит обезьянку потому, что она его спутница на долгих трудных дорогах. За то, что она помогает ему прокомчиться, за то, наконец, что восприимчивая обезьянка так хорошо показывает все то, чему он успел ее обучить. Он велел обезьянку через пустыню в горы, чтобы накормить ее фисташками. Но в этом году фисташковые деревья в горах дали лишь пустоцвет.

Напов человека и обезьянку, доброжелательные караванщики отдают им горсть фисташек. Обезьяна ласково ушачет зверька, но обезьянка смотрит на него грустными глазами и прячет мордашку в складках его рубашки. Обезьяна оторчен, и человек, которого сопровождают караванщики, предлагает ему несколько серебряных монет. Обезьяна берет их с достоинством.

— Теперь, если не поклянешься, что умеет делать твою обезьянку, деньги расплачутся в кармане. — шутят караванщики.

Обезьяна становится серьезным. Он готов показать свое искусство, и погонщики располагаются вокруг него. Представление начинается. Меняя сцены, обезьяна держит за цепочку, и обезьянка сердито поднимает свои брови.

— Я очень сожалел бы, если бы иностранец, который едет с вами, оказался англичанином. — говорит обезьяна после представления, но ему об'ясняют, откуда едет этот иностранец: он едет из советской земли. Тогда, одобрительно кивнув головой, обезьяна передает обезьянке лапку и велит ей:

— Покажи всем, кто любит свою родину, как мы, афганцы, прогнали врагов с нашей земли.

Обезьянка действует воображаемым птичком, а старик поет песню:

Мы штыком козлаи, наступая, Черного и белого силая...

И узнали, что краснее маков Крови цвет у них был одинаков.

— И правильно! — одобряют слушатели. — «Кровь у всех одна». «У черной коровы молоко, все равно, белое».

— Покажи теперь, как враги убагали от нас, — говорит ей ее хозяин. Обезьянка поджала передние лапки, как бы прося пошлы, потом осторожно побежала, заваливаясь на один бок, и упала.

— Отлично! — закричали вокруг.

Но обезьяна внимательно посмотрел на лежавшую обезьянку, и на его лице появилась растерянность. Встань, Пальчье, — закричал он, — я не утил тебя палать! Обезьянка, однако, больше не встала.

Нет, не на колючки накололась она. Ее ужалила змея.

Караван идет дальше.

А обезьяна остается сидеть возле трупа обезьяны. Что же! Теперь, даже дойдя до селения, он не сможет показать, как афганцы боролись за свою независимость. Прелестный рассказ. Рассказ, который может служить примером того, как самый сюжет способен выразить мысль художника, рассказ, блещущий живописностью.

То обстоятельство, что отличный этот рассказ несколько лет блуждал по редакциям и не был напечатан, не может не вызвать удивления.

Д. Е.

Январский номер журнала «Интернациональная литература»

Сдан в печать январский номер журнала «Интернациональная литература». В журнале будут помещены стихотворения иностранных поэтов, посвященные В. И. Ленину; испанского поэта Пля-и-Бельтра, английских поэтов Лилеса и Свингера, китайского поэта Ян Сяо, поэта Латинской Америки: Илдефонсо Тереза Вальдес, Винет де Рокка, Хосе Муньос Коте.

Журнал дает подборку материалов — из книг и высказываний писателей — представителей интеллигенции и трудящихся Запада о Ленине; и графический материал о Ленине, в частности — «Ленин в фобразительном искусстве иностранных художников» (фотографические снимки с картин, плакатов, обложек книг В. И. Ленина, изданных на иностранных языках).

С январского номера журнала «Интернациональная литература» начинает печатать новый большой роман Генриха Манна «Зрелость Генриха IV» (этот роман пойдет в четырех первых номерах журнала за 1939 г.).

В журнале будут помещены также пьеса Э. Хемингуэя «Пятая колонна», отрывок из книги Абри Барбоса «Слова борна» (из статей и речей Барбоса 1914—1920 гг.), рассказ китайского писателя Яо Сю-ян «Чэбанчех Махан» (об освободительной войне Китая с Японией), статья Диас Капедо «Об испанском театре XX века», статья о книге Евы Кюри «Мадам Кюри», статья Е. Книпович «Тема воинствующего гуманизма» (о творчестве Генриха Манна).

труда, и Клара Капан, которая, не разучившись чувствовать, научилась почитать чувство разуму, и Сергей Голыцын, который, дезертировав, стал понимать, что это привело его к отчуждению от всего лучшего, что есть в советском обществе, и печник, которого приводит в забавный восторг та удал и праздничность, которую комсомолцы вносят в самые будничные и тяжелые трудовые процессы.

Вера Кетлинская, назвавшая свой роман «Мужество», и сама большей частью рассказывает о жизни мужественно, без фальши и прикрас. Жизнь ее героев сурова, не каждый выдержит такую жизнь, и радостно сделать, как многие герои выхолот с чество из невероятных испытаний. Жаль, что автор не рассказал об этом более поэтично, не высокопарно — упаси господь, — а поэтично. Вере Кетлинской не удалось отойти от своего материала, порой она слишком буднично копается в нем, у нее, как у художника, нет ощущения, что картина, описанная ею, это, в сущности, советский эпос. Вернее, картина могла бы стать эпической, если бы не фельетонность многих сцен, нестройность композиции и хаотичное нагромождение нужных и ненужных деталей. Как и многим ее героям, автору есть что сказать, есть знание нашей жизни, любовь к нашей жизни, вера в нее. В полноту культуры автора должен участвовать и редактор. Но для этого нужно, чтобы редактор был человеком, умеющим на это право, то-есть человек с настоящим литературным вкусом. Таких редакторов у нас мало. Мы легкомысленно обирали дискуссию, которая могла бы помочь улучшить редакторский институт и добиться того, чтобы редакторами были только те, кто способен двигать вперед нашу литературу. До сих пор варила с подобными редакторами есть и такие, которые тормозят развитие нашей литературы и нередко уводят ее в сторону, на неверную дорогу женскости.

Пропаганда вредного тезиса

Критик Блюм недавно, на заседании драматического союза писателей, выступил с докладом о современных исторических пьесах. В своем докладе тов. Блюм высказывал мысль, что для художника историческое жанра вполне закономерно следовать тезису Покровского — «история есть политика, опрокинутая в прошлое».

В. Блюм говорил, что этот тезис Покровского порожен только для истории, но он удачно и вполне правильно выражает существо художественного творчества. «Об этом кричит вся история мирового искусства», — утверждал т. Блюм.

По мнению В. Блюма, любая историческая пьеса не «объективно» изображает историческую действительность, а использует эту действительность в актуальных, современных, публицистических целях. Такая точка зрения, говорит т. Блюм, развязывает автору руки в отношении исторической «документальности» и научности. Она оправдывает вольное обращение с историческими фактами, персонажами, характеристиками.

Из его выступления т. Блюма вытекает, что «учиться истории» в театре положительно не стоит, все равно в исторических пьесах все искажено и перевернуто. Никакого вреда от этого нет, полагает Блюм, так как писатели выполняют «социальный заказ», а история для них — лишь материал.

Таков главный тезис Блюма, к которому он, очевидно, из осторожности, делает пустую, словесную оговорку — «какого-то предела исторической достоверности все же не дано переуступить никакой пьесе». Нам уже приходилось указывать, что историческая художественная литература, будь то очерк, роман, повесть или пьеса, является наиболее удобной формой усвоения массы исторических знаний. Писатели в создании исторических произведений должны исходить из методологических положений исторического материализма.

Тезис т. Блюма сводится к тому, что в художественной исторической литературе марксистско-ленинское понимание исторического процесса для художников не обязательное. Утверждение Покровского — «история есть политика, опрокинутая в прошлое», в одинаковой степени порочно и по отношению к науке — истории и к литературе. Покровский считает, что всякая идеология есть отражение действительности в ярком зеркале — «истия столько, сколько классов». Таким образом, идеология, правильно отражающая действительность, по Покровскому, вообще не существует и существовать не может.

Материалистов, убежденных в том, что законы природы существуют независимо от сознания людей, Покровский называл напыщенными реалистами. В «Исторической науке и борьбе классов» он писал: «В действительности существует только хаос первичных ощущений. Все комбинации этой первичной действительности субъективны. В том числе субъективны и все законы природы». Таким образом, Покровский отвергает материалистический критерий истины — практику и заменяет ее максимистским критерием «целесообразности» и «удобства» и предлагает брать за миллионы действительных и мнимых ощущений «два-три, которые нам нужны для практических целей ориентировки». По мнению Покровского, наука то, что быстрее и вернее ведет к поставленной цели. Из этого подхода к критерию истины и вытекало основное требование Покровского отбора исторических фактов с позиций целесообразности. Это и есть обоснование его тезиса — «история — политика, опрокинутая в прошлое».

Отрицая закономерность в истории, Покровский писал, что «история, вопреки своей обманчивой конкретности, не более, а менее точная наука, нежели политическая экономика, или даже юриспруденция».

Состязание певцов

М. И. ЛИТВИНЕНКО-ВОЛЬГЕМУТ

Народная артистка Союза ССР, член жюри Всесоюзного конкурса вокалистов

Учеников петь лежа на полу, держа на диафрагме кипу увесистых книг. Нетрудно догадаться, к каким результатам привел этот «горизонтальный» метод обучения. Было бы величайшей несправедливостью утверждать, что у нас нет квалифицированных, честных советских педагогов-вокалистов. Они, конечно, есть, и это опытные наглядно подтвердили конкурс.

Но у нас нет еще настоящей, теоретически обоснованной, научной вокальной методологии. Советскую науку пения нам предстоит создать. Сюда должны быть направлены все усилия лучших педагогов и мастеров пения, богатых практическим опытом, а также музыкантов, теоретиков и даже специалистов-врачей.

В музыкальных техникумах и консерваториях, даже в крупных самостоятельных кружках, собирались одно время ввести запись на пленку, или на «говорющую проволоку» голосов учащихся. Такая запись позволила бы систематически контролировать работу педагога, наблюдать за успехами или неуспехами ученика. Очень жаль, что эта полезная затея не осуществлена.

Всесоюзный конкурс вокалистов помог сделать всем нам много поучительных выводов.

Конкурс показал, какими прекрасными, талантливыми певцами располагает наша страна. Среди лауреатов — москвички Г. П. Виноградова, талантливая артистка, и Б. С. Дайнека, приятно удививший своей музыкальной культурой. Ленинград выиграл в числе лауреатов блестящую певицу К. Г. Семизорову (колоратурное сопрано) и Е. А. Трошину — певицу с темным лирическим тембром и безупречной музыкальностью. Романс Листа «Как дух Лауры» прозвучал в исполнении Трошиной с неподдельным вдохновением.

ЧАРЛИ ЧАПЛИН

Иполлит Соколов очень много знает. В годы РАШП его травлили. Сейчас Иполлит Соколов пишет, но в его голосе сохранилась растерянность. На обложке книги наклеен кусок целлулозы с маской Чаплина, глубоко вытесенной ботинки, тросточка. Обложка в то же время похожа на бювар.

Книжка Иполлита Соколова переполнена сведениями. Устанавливается точный год рождения Чарли Чаплина. Сведения противоречивы. Но Чаплин жив, можно отправить ему открытку, спросить: «Когда вы родились?» Автор предпочитает ложный путь сопоставления данных.

В книгу попали куски американских рекламных бюваров, рассказывает о том, как Чаплин проиграл предпринимателю конкурирующей фирмы, переодетым ковбоем во время масковки. Он вез с собой контракт на миллион. Перо, которым был подписан этот контракт, тоже было пропало, правда, не за миллион, а за 35 долларов. Это довольно любопытно, но на другой книге.

Тут же рядом сообщение о бракоразводных делах Чарли Чаплина. Цитаты тянутся в книгу, как топа из выхода из кино при крике «пожар!»

Между тем книга полезна, в ней есть библиография всех фильмов Чарли Чаплина, есть краткие сценарии вещей, но сделано все так, что качество ленты ускользает.

Возлема записи сценария «Парижанка» у Соколова. Сорится Мари с богатым Пьером.

«Чего же тебе недостает?.. Мари молчит. Пьер спокойно говорит ей: — Беда в том, что ты сама не знаешь, что тебе надо.

Мари не может сдержаться себя и гневно бросает ему упрек: — Мне нужна своя, настоящая семья... и уважение мужчин... Пьер проницательно смотрит на нее.

Мари гневно говорит ему: — Ты никогда не относишься ко мне серьезно. Он снова спрашивает ее: — Чего же тебе недостает?.. Мари гневно говорит ему: — Я люблю тебя, а ты что дал мне?..

Ничего. Она в гневе срывает с себя ожерелье и бросает его в окно. На улице под ее окном прохлдит шипящий с семей и поднимает ее ожерелье.

Мари, приля в себя, быстро выбегает из комнаты. На улице она подбегает к нищему и вырывает у него ожерелье.

Она идет по улице, волока ботинки со сломанным каблучком. Подавленная и униженная, она прохлдит в гостиную.

Пьер спокойно играет на саксофоне и проницательно улыбается. Мари, видя его проницательную усмешку, кричит в бешенстве: — Пипит!

Теперь, по памяти, восстанавливаю рисунок этой сцены: Пьер и Мари говорят у окна. Через улицу переходит семья рабочего.

Маленький ребенок плачет, тянет мать, мать сердится на ребят. Мари говорит о семье. Пьер, глядя на семью там, за окном, проницательно улыбается. Мари упрекает Пьера: «Что ты да мне?» Пьер, проницательно и ничего не говоря, берет в руки ожерелье Мари и игнорирует жемчугами. Мари понимает намеки Пьера, вырывает ожерелье. Пронзительно подбегает ожерелье. Мари пытается не обратиться на это внимание, потом бежит за ожерельем. Она вырывает у прохожего ожерелье, в беге сломала каблук на туфле и возвращается, хромая и уже забыв о ссоре. Пьер торжествующе играет на саксофоне. Тогда происходит ссора, потому что Мари чувствует, что она сорвалась в спор.

Так же можно проанализировать любой кусок сценариев, довольно несвязно запятанных Соколовым.

Кроме того, основное в «Парижанке» — это то, что Мари не любит юного художника Жака. Она любит Пьера.

Здесь все гораздо сложнее. Это не воспоминание о людях, это анализ людей. Движение Чаплина к реализму — превращение выходца изюла в историю маленького человека», превращение клоуна в Акакия Чаплина в «Шинель», приближение Чаплина к Гоголю — вот настоящая история американского художника.

Вот почему Юрий Тынянов, когда-то создавая сценарий «Шинель», и писал о Чаплине в роли Акакия Акакиевича.

У Иполлита Соколова есть целый ряд интересных наблюдений. Его книга нужна каждому киноматографу, но до настоящей книги произведения он добираться редко. В своей лекции, прочитанной в Доме кино, Соколов при показе старых фильмов Чаплина рядом давал куски новых вещей, выросших из старых трюков, и это было значительно интереснее.

Чарли Чаплин — герой предвоенных и послевоенных экранов. Чарли Чаплин — сам слепая девушка из «Огней большого города». К новому он идет тоже, как слепой, и не узнает и врад ли узнает, что временами возвращает ему зрение.

Книгу Соколова надо развернуть, избавиться от налета лаянаука.

Чарли Чаплин, жизнь и творчество, очерк по истории американского кино. И. В. Соколов. Москва, 1938 г. Госкиноиздат, ц. 6 руб. Переплет художника С. Н. Беневоленского.

«ДАРВАЗСКОЕ УШЕЛЬЕ»

— Государственный оперный театр им. К. С. Станиславского дает сегодня премьеру первой оперы молодого советского композитора Л. Степанова — «Дарвазское ушелье». Постановочная работа над этим спектаклем была закончена еще при жизни К. С. Станиславского, под его руководством, режиссерами И. Тумановым и М. Мельцером. (См. «Литературную газету» от 15 октября 1938 г.)

Либретто оперы «Дарвазское ушелье» написано композитором Л. Степановым и Я. Галицким.

Последнее замечание в известной мере относится и к издателям.

Они должны выпускать пьесы, написанные молодыми авторами. Но издательство окажет им плохую услугу, если будет выпустить в свет их пьесы в нетронутом виде, не позабывшись о тщательной, углубленной работе с автором, как это случалось, например, с пьесой т. Горюхиной «Здесь много солнца», с пьесой т. Холодиной «Воспитание страны Советов» и др.

Многое в нашей работе зависит и от отношения членов драмтеатра. До тех пор пока все наши ведущие драматурги не признают, что работа с молодыми является их общественной обязанностью и не будет вплоть ее с той заботливостью, пример которой подавал нам А. М. Горький, мы будем сталкиваться с серьезными трудностями.

Нужно еще более укрепить связь с театрами и издателями и более решительно продвигать на сцену и в печать лучшие из пьес молодых драматургов.

Не помню, кто сказал, что человеческий голос — совершеннейший из инструментов. Во всяком случае, это метко сказано. Не в одном инструменте, кажется мне, действительно нет такого богатства и разнообразия оттенков, такой теплоты и одушевленности.

Россия задана славными певцами. Теперь в Советской стране, когда искусство стало истинно-массовым, когда каждое дарование встречает поддержку, внимание, заботу, такая слава еще больше укрепилась. И первый всесоюзный конкурс вокалистов еще раз это подтвердил.

Перед нами прошло множество певцов, обладающих голосами разнообразных тембров и характеров — от точнейшей золотистости до баса profoundo. Радовало поразительно обилие хороших, а порою исключительно красивых голосов. Но многие ослепительные люди не попали даже во второй тур конкурса лишь из-за недостатка вокальной культуры, вокальной техники. Вот об этом, думаю, мне, надо открыто сказать.

Конкурс певцов явился одновременно экзаменом наших вокалистов педогов. К сожалению, многие педагоги прошли этот ответственный экзамен без особого блеска.

У подавляющего большинства молодых вокалистов по-настоящему не поставлены голоса. Певцы форсируют звук, особенно на верхнем регистре. Отсюда — усталость, преждевременная изношенность голоса, неустойчивость, наконец, нечистота интонации. Дыхание — основа пения. А многие участники конкурса не имеют понятия о правильном дыхании. Крепкий певческий звук подменяется мимозобразительной декламацией.

Мне лично за время артистической работы приходилось наблюдать, как порою варварски обращались иные педагоги к молодым голосам. Ни одно искусство не обкутывается столь непроницаемым «туманом», как пение. Ведь до сих пор существует когортия так называемых «частных» педагогов, никому не поддающихся и обучающих сложному искусству пения без всякого на то основания и контроля. Не сказка, а, к сожалению, реальный факт, что один такой «педагог» заставлял

ИНСЦЕНИРОВКА РОМАНА Л. ФЕЙХТВАНГЕРА

СЕРАФИМА РОШАЛЬ ГРИГОРИЙ РОШАЛЬ

Инсценировка антифашистского романа «Семья Оппенгейм» требовала больших усилий и введения новых действующих лиц, отсутствовавших в романе (токарь коммунист Герман Веллер, комсомолец Рихард).

Автор романа Л. Фейхтвангер с большой охотой пошел нам навстречу и предложил для инсценировки ряд новых интересных персонажей. Не только с согласия автора, но и при полной его поддержке был изъят из фильма Густав Оппенгейм, пожалуй, один из наиболее любимых автором персонажей романа. Вызвано это было необходимостью заменить пассивно созерцающую фигуру Густава Оппенгейма реально действующей фигурой крупного ученого и специалиста — Эдгара Оппенгейма. Некоторые качества Густава введены «по наследству» к Эдгару, и даже Сюбилла Раух оказалась связанной с ним.

Упомянутый в романе лишь в нескольких словах шофер Пахянке — в сценарии одно из основных действующих лиц. Развитие также тема столкновения с фашистами, связанная с судьбой Бертольда Оппенгейма.

Основное, чем строился наш беседы с Фейхтвангером во время работы над инсценировкой, — это вопрос о конце фильма. Хотя в фильме, как и в романе, Бертольд Оппенгейм, не найдя другого выхода, приходит к самоубийству, фильм не кончается на этом. Эдгар Оппенгейм не сломен, не разбит ни потроном, ни пыткой фашистов. Впервые может быть за всю свою жизнь он эту жизнь по-настоящему увидел в тюрьме, встретил с коммунистом Германом Веллером, что помогло ему до конца осмыслить политический ход истории и стать борцом единого народного фронта.

Так, например, о сцене встречи Бертольда и Руфы в кафе, Фейхтвангер пишет: «Бертольд и Руфа заказывают кофе. Лицо Бертольда, но во всяком случае не шлю...»

Лиш откровенно школы, в которую приходит Фогельзагн:

«...Стелляных дверей в школах не бывает... За дураком Фогельзагном могут открываться двери отдельных классовых комнат и выходящих голубых».

О сцене в метро: «...Пожалуй, господин Геншице должен сказать: «Это ведь ли музыка Бетховена (Булет Вагнера, как значится в тексте). Внесет лучше, если вместо документов у убитого Геншице найдут конверт с его адресом. Прочтя этот конверт, кто-то говорит: «Не может быть, чтобы он был евреем»».

В первом варианте сценария, в сцене разговора Мартина Оппенгейма с его конкурентом, фашистом Вельсом, Вельс предлагает заменить на марке фирмы портрет Эдмунда Оппенгейма — дядя Мартина, основателя фирмы, портретом убитого на западном фронте брата Мартина Оппенгейма. Фейхтвангер по этому поводу пишет:

«...Вельс не мог предложить заменить портрет Эдмунда Оппенгейма портретом убитого брата Мартина. Я считаю, что здесь во всяком случае не надо упоминать об убитом брате. Вельс просто говорит, указывая на портрет Эдмунда Оппенгейма: «Эта картина должна быть урана. Вы понимаете, у него слишком еврейский вид»».

Таких замечаний было много. Эти замечания Л. Фейхтвангера, так же как и другие его советы, были учтены в дальнейшей работе над фильмом.

Интересно отметить, с какой тщательностью и вниманием подошел автор романа к работе над фильмом. Мы получили несколько письменных замечаний Фейхтвангера о самых тонких нюансах фильма.

Высокую оценку получила у нас и героическая драма в стихах М. Н. Смирнова «Мария». Горюха, с большой любовью выписав центральный образ этой пьесы — простой крестьянской девушки, которая становится командиром отряда, попавшего в кольцо белых. В пьесе не мало отдельных ярких сцен и написана она живым и хорошим языком. Сейчас т. Смирнов, пользуясь указаниями А. Г. Глебова и В. М. Гусева, заканчивает пьесу, которая также вполне заслуживает увидеть сцену.

К числу одаренных и обещающих молодых драматургов мы относим и А. Ш. Савельева. Уже первая, ранее написанная его одноактная пьеса «Пароль» обратила на себя наше внимание. Сейчас т. Савельев заканчивает четырехактную комедию «Светлана». В пьесе много теплых, с любовью написанных образов наших советских людей, она написана живым, хорошо индивидуализированным языком.

Совсем недавно познакомились мы с пьесой т. Блазштейна и Венецианова «Море наше», написанной на животрепещущую тему о растущей мощи нашего военного флота, о роете его людей, о полнотном и зломом героизме. «Море наше» написано в духе пьесы приключений, но без отрицательных признаков этого жанра. Пьеса пойдет в Ленинград (в театре Вальфлота), но было бы справедливо, если бы она увидела и московскую сцену.

Успешная работа по воспитанию драматургов во многом зависит от отношения к этому делу со стороны театров и Комитета по делам искусств. Молодой драматург не может по-настоящему расти, если ему не будет дана возможность работать совместно с театром. Если от сложившегося

уже драматурга театр вправе требовать вполне законченных произведений, то по отношению к дебютирующему молодому автору нужно главным образом ставить вопрос о том, имеет ли он достаточные данные к тому, чтобы доработать свою, удачную в основном, пьесу под руководством театра и секции. Пьесу нельзя подходить к делу узко-практически. Театры должны избавляться от страха перед «неизвестными именами» и оставлять другую привычку перестраховываться за счет пьес, в которых нет почти ничего, кроме знакомого имени.

Поставить пьесу нового драматурга должно стать делом чести театра. К сожалению, театры нередко откладываются в этом отношении лишь благими намерениями. Можно привести ряд случаев, когда театр очень рьяно бросался за работу с молодым автором, награждал его высочайшими комплиментами, соглашался на принятии пьесы в печать, но когда приходилось столкнуться с некоторыми трудностями, быстро остывал и к пьесе и к автору. (Таков, например, случай с «Буднями» Голыкова в МХАТ). С другой стороны, театры иногда «ухватываются» и за явно нетронутой вещи, считая, что здесь нет по сути дела никакого риска: ведь от пьесы неизвестного автора в любой «конъюнктурный» момент можно и отказаться!

Последнее замечание в известной мере относится и к издателям. Они должны выпускать пьесы, написанные молодыми авторами. Но издательство окажет им плохую услугу, если будет выпустить в свет их пьесы в нетронутом виде, не позабывшись о тщательной, углубленной работе с автором, как это случалось, например, с пьесой т. Горюхиной «Здесь много солнца», с пьесой т. Холодиной «Воспитание страны Советов» и др.

Многое в нашей работе зависит и от отношения членов драмтеатра. До тех пор пока все наши ведущие драматурги не признают, что работа с молодыми является их общественной обязанностью и не будет вплоть ее с той заботливостью, пример которой подавал нам А. М. Горький, мы будем сталкиваться с серьезными трудностями.

Нужно еще более укрепить связь с театрами и издателями и более решительно продвигать на сцену и в печать лучшие из пьес молодых драматургов.

написано, напечатано и поставлено на сцену? Мы рискуем разочаровать этих товарищей, видимо, полагающих, что комиссия может взять на себя обязанность поквартирного изыскания драматургических талантов. Мы думаем, что результатами нашей работы является то, что мы можем назвать известное количество молодых авторов, которые несомненно проявили незаурядные способности и которым комиссия оказала ту или иную творческую или организационную помощь. О них-то мы и хотим здесь сказать.

Мы уже писали об одаренном авторе пьесы «Будни» — П. С. Голыкове. Прекрасное знание материала, наблюдательность, умение воплотить наблюдаемое в живые образы, хороший теплый юмор — все эти качества, сказавшиеся в пьесе, дают нам право ожидать, что т. Голыков может с большим успехом работать в драматургии (я, может быть, наиболее успешно — в жанре комедии). Последний вариант пьесы, над которым автор работал в исключительно трудных условиях, борясь с тяжелой болезнью, оказался значительно удачнее первого. «Будни» поставлены в харьковском театре им. Шевченко, вытты в работу московским театром им. Ермоловой и Ленинградским Драматическим театром.

Несомненно драматургическое дарование проявила и Н. П. Алдова. В своей пьесе о Лермонтове — «Маски» она сумела сочетать достаточную историческую точность с требованиями театральности — передать живое ощущение изображаемой эпохи, нарисовать целый ряд живых, запоминающихся образов и, в первую очередь, образ самого поэта. Пьеса встретилась прекрасную оценку крупных театров Москвы (МХАТ, Малый и др.) и имеет все шансы к тому, чтобы в 1939 юбилейном году (125 лет со дня рождения Лермонтова) увидеть московскую и периферийную сцены.

Явно одаренным человеком считаем мы и В. Н. Гурана. Мы познакомились с несколькими ранее написанными его пьесами. В «Толках» т. Гуран проявил несомненные способности к сатирическому жанру. Много хорошего было в его пьесе «Человек подпольного», написанной о людях подполья. И только неповоротливость руководства Транспортного театра можно объяснить, что он до сих пор не привлечен к работе автора этой пьесы. Однако наиболее

удачной и значительной следует считать последнюю пьесу т. Гурана — «Бесполобая совесть». Это пьеса из эпохи гражданской войны (последний акт — наши дни), написанная на живую и злободневную тему о близости. Образ красного командира партизанского отряда Калужского обрисован настолько сильно и убедительно, что является одним из лучших образов в пьесах о героической эпохе гражданской войны. Удались автору также и образ врага, офицера Хмельниченко, сумевшего выдуть до наших дней скрывать свое вражеское лицо, образ честной и стойкой партизанки женщины-бойца Татьяны и других персонажей.

Высокую оценку получила у нас и героическая драма в стихах М. Н. Смирнова «Мария». Горюха, с большой любовью выписав центральный образ этой пьесы — простой крестьянской девушки, которая становится командиром отряда, попавшего в кольцо белых. В пьесе не мало отдельных ярких сцен и написана она живым и хорошим языком. Сейчас т. Смирнов, пользуясь указаниями А. Г. Глебова и В. М. Гусева, заканчивает пьесу, которая также вполне заслуживает увидеть сцену.

К числу одаренных и обещающих молодых драматургов мы относим и А. Ш. Савельева. Уже первая, ранее написанная его одноактная пьеса «Пароль» обратила на себя наше внимание. Сейчас т. Савельев заканчивает четырехактную комедию «Светлана». В пьесе много теплых, с любовью написанных образов наших советских людей, она написана живым, хорошо индивидуализированным языком.

Совсем недавно познакомились мы с пьесой т. Блазштейна и Венецианова «Море наше», написанной на животрепещущую тему о растущей мощи нашего военного флота, о роете его людей, о полнотном и зломом героизме. «Море наше» написано в духе пьесы приключений, но без отрицательных признаков этого жанра. Пьеса пойдет в Ленинград (в театре Вальфлота), но было бы справедливо, если бы она увидела и московскую сцену.

Успешная работа по воспитанию драматургов во многом зависит от отношения к этому делу со стороны театров и Комитета по делам искусств. Молодой драматург не может по-настоящему расти, если ему не будет дана возможность работать совместно с театром. Если от сложившегося

уже драматурга театр вправе требовать вполне законченных произведений, то по отношению к дебютирующему молодому автору нужно главным образом ставить вопрос о том, имеет ли он достаточные данные к тому, чтобы доработать свою, удачную в основном, пьесу под руководством театра и секции. Пьесу нельзя подходить к делу узко-практически. Театры должны избавляться от страха перед «неизвестными именами» и оставлять другую привычку перестраховываться за счет пьес, в которых нет почти ничего, кроме знакомого имени.

Поставить пьесу нового драматурга должно стать делом чести театра. К сожалению, театры нередко откладываются в этом отношении лишь благими намерениями. Можно привести ряд случаев, когда театр очень рьяно бросался за работу с молодым автором, награждал его высочайшими комплиментами, соглашался на принятии пьесы в печать, но когда приходилось столкнуться с некоторыми трудностями, быстро остывал и к пьесе и к автору. (Таков, например, случай с «Буднями» Голыкова в МХАТ). С другой стороны, театры иногда «ухватываются» и за явно нетронутой вещи, считая, что здесь нет по сути дела никакого риска: ведь от пьесы неизвестного автора в любой «конъюнктурный» момент можно и отказаться!

Последнее замечание в известной мере относится и к издателям. Они должны выпускать пьесы, написанные молодыми авторами. Но издательство окажет им плохую услугу, если будет выпустить в свет их пьесы в нетронутом виде, не позабывшись о тщательной, углубленной работе с автором, как это случалось, например, с пьесой т. Горюхиной «Здесь много солнца», с пьесой т. Холодиной «Воспитание страны Советов» и др.

Многое в нашей работе зависит и от отношения членов драмтеатра. До тех пор пока все наши ведущие драматурги не признают, что работа с молодыми является их общественной обязанностью и не будет вплоть ее с той заботливостью, пример которой подавал нам А. М. Горький, мы будем сталкиваться с серьезными трудностями.

Нужно еще более укрепить связь с театрами и издателями и более решительно продвигать на сцену и в печать лучшие из пьес молодых драматургов.

А. ФАЙКО, А. БОРОДИН

РАБОТА С МОЛОДЫМИ ДРАМАТУРГАМИ

За последнее время предпринято не мало попыток установить причины известного отставания нашей драматургии от других видов советской литературы. Но среди этих причин почему-то никогда не упоминается одна из наиболее очевидных — большая трудность драмы по сравнению с другими видами художественной литературы. «Пьеса — драма, комедия», — писал А. М. Горький, — самая трудная форма литературы, — трудная потому, что пьеса требует, чтобы каждая действующая в ней единица характеризовалась и словом, и делом самостоятельно, без подсказываний со стороны автора.

Большая трудность, вытекающая из самой специфики драмы, очень ясно ощущаются и на работе с начинающим. Откажется ли полному драматургическое дарование, помочь ему проявить себя в полной мере — дело весьма нелегкое. Работа с молодыми драматургами не только очень трудное, но и очень ответственное дело.

Нет никакого сомнения, что эта работа является прямой и одной из важнейших обязанностей драматического ССН, и можно только пожалеть, что этой работой так долго пренебрегали. Поворот здесь намекнулся только в прошлом году, при нынешнем руководстве секцией. В конце года была организована комиссия по работе с молодыми драматургами — не членами ССН.

Теперь, когда истек ровно год со времени образования этой комиссии, можно подвести некоторые итоги.

Почти каждый достаточно грамотный и культурный человек, освоив технику, может с греком пополам написать посредственную пьесу. Однако нас не прельщала перспектива обратиться к комиссии в «якудатор» такого рода посредственности. Мы мечтали о том, чтобы отыскивать подлинно талантливых.

В соответствии с этим пришлось изменить характер работы нашей комиссии. Весь поток рукописей (до 50 пьес в месяц), идущих в порядке «самозатек», проходит теперь через «фильтр» специальных рецензентов. Обратившие на себя внимание пьесы направляются консультантам.

Нам не раз приходилось высказывать мнение, что «возник с самозатек» — это не дело секции. Мы считаем эту точку зрения глубоко ошибочной: любой человек, желающий испробовать свои силы в области драматургии, вправе рассчитывать на внимание именно со стороны секции драматургов. Также не можем мы согласиться и с тем, что работа над «самозатком» не может дать никаких результатов; имеющийся опыт опровергает это мрачное предположение. При этом следует заметить, что в своей работе мы вовсе не полагаемся только на один «самозтек».

Среди наших молодых драматургов есть люди несомненно одаренные, талантливые, способные создать незаурядные произведения.

Но есть и такие, которые проявляют очень небольшой интерес к творческой стороне дела и в первую очередь заняты тем, чтобы «устроить» свои, еще не законченные, неяркие вещи в театр или в печать. Они проявляют склонность к ранней профессионализации, губительной для начинающего автора, к шумихе, в погоне за «признанием», за литфондовскими «блатами». Поэтому вполне возможно, что часть авторов, с которыми мы были намерены вести работу, в дальнейшем отсеется.

Все эти грустные явления объясняются тем, что иные из начинающих (да и не только они начинающие!) спешат оседлать драматургического пегаса не столько потому, что у них есть серьезное призвание именно к драматургии, сколько потому, что они считают ее делом сравнительно легким, но зато весьма прибыльным.

Наиболее важной частью работы комиссии является творческая и организационная помощь молодым авторам. Она выражалась прежде всего в индивидуальной консультации.

Некоторые склонные к критическому яскому товарищи, вероятно, готовы будут задать нам один вопрос: «Сколько же комиссия воспитала за год новых драматургов? Сколько пьес при ее содействии было

1884 г.

И. В. Оммулевский

55 лет назад (7 января 1884 г., по старому ст. 26 дек. 1883 г.) умер поэт и беллетрист Инокентий Васильевич Оммулевский. Родился он в 1836 г. в Петропавловске-на-Камчатке. Детство и юность провел в Иркутске, откуда, выйдя из 6-го класса гимназии, уехал в Петербург, где около двух лет пробыл вольнослушателем в университете на юридическом факультете. В печати он выступил в 1857 г. — книжкой переводов сонетов Мицкевича, затем принимал участие в лучших демократических журналах — «Искра», «Современнике», «Русском слове», «Деле», «Женском вестнике» и др. Гражданские мотивы являются основными в лирике Оммулевского, объединенной в сборнике «Песни жизни», который вышел за несколько месяцев до его смерти. Как поэт Оммулевский пользовался особенной популярностью в Сибири, давшей ему и его литературный псевдоним (омуль — сибирская рыба). Гораздо больший успех, чем стихи, имела проза Оммулевского, особенно роман «Шаг за шагом», печатавшийся в журнале «Дело» в 1871 г., а затем вышедший отдельным изданием под названием «Светозор» его взгляды, характер деятельности (1871 г.). Роман посвящен изображению деятельности «нового человека», вступившего в борьбу со всеми старыми предрассудками и традициями, мешающими установлению «разумного» строя жизни. В романе затронуты все те вопросы, которые живо волновали демократическую интеллигенцию 60-х годов: свобода слова, женская эмансипация, народное образование и т. д. Второе и третье издания романа (1874 и 1896 гг.) были уничтожены.

1889 г.

С. А. Юрьев

50 лет назад, 7 января 1889 г., умер Сергей Андреевич Юрьев, литературный критик и переводчик испанских драматургов. Пользовавшийся большой известностью и уважением в литературно-научных кругах старой Москвы, Юрьев представлял собой весьма оригинальную фигуру. «В нем», — писал один из его современников, — «скопляются всевозможные противоположности. Он прекрасный математик, даже астроном, и в то же время бредит Шекспиром и Гете; казакский землевладелец, популярный в своей округе, ходит так в народном костюме, играет у себя вместе с крестьянами на сцене, а потом углубляется с Шеллингом в дебри абстрактности; славянофил по многим мнениям и по дружеским связям, но радуется каждому успеху европейского прогресса; с интересом следит за самыми смелыми направлениями в науке и жизни».

Математик по образованию, астроном-наблюдатель при обсерватории Московского университета, автор научного труда «О солнечной системе», Юрьев по болезни глаз вынужден был прекратить астрономические наблюдения и ехать для лечения в Германию и Францию. Вернувшись в Россию, он отдался делу народного просвещения, основал в своем имении народное училище и «крестьянский театр», на сцене которого ставились пьесы Островского. Писемского и переводил произведения народного творчества. В 1870—71 г. Юрьев редактировал славянофильский журнал «Беседа», по совету редактора к «европейскому прогрессу» восстановил против него славянофилов. Увлеченный театром, Юрьев изучил испанский язык и перевел ряд пьес Кальдерона, Лопе де Вега, Тирсо де Молино. В 1877 г. он выпустил книгу «Испанский театр претупшего периода XVI и XVII вв.». Кроме того, ему принадлежат переводы трагедий Шекспира («Антоний и Клеопатра»), «Король Лир», «Макбет». С 1878 по 1885 г. Юрьев состоял председателем Общества любителей российской словесности. В этом же году он выдал на себя редакторство нового журнала «Русская мысль».

РАЗГОВОР О ЛИТЕРАТУРЕ

Письмо из Ленинграда

В афишах было сказано, что на диспуте ответят на множество вопросов. Слушателям поведают о том, «что классическое было в советском искусстве в последние времена», расскажут о кино, «как о молодой отрасли беллетристики», вскроют «сознательное неумение старой литературы понять жизнь», разграничат «зоны исторического романа». Кроме того, будут говорить «об авторском труде в нашей стране» и «о литературе как о методе описания», а также об «искусстве чужой страны» и «о литературе как о методе описания» и «о литературе как о методе описания» и «о литературе как о методе описания».

«Большой разговор о современной литературе» — так назывался диспут в Доме писателя им. Маяковского.

Диспут начался докладом В. Шкловского. Трудно сказать, в какой мере В. Шкловский охватил развернутый круг тем, нерешенных в афишах и пригласительных билетах.

Очевидно, прав В. Каверин, который, выступая по докладу В. Шкловского, сказал: «Большой разговор о современной литературе» — так назывался диспут в Доме писателя им. Маяковского.

Диспут начался докладом В. Шкловского. Трудно сказать, в какой мере В. Шкловский охватил развернутый круг тем, нерешенных в афишах и пригласительных билетах.

ПО СТРАНИЦАМ ПЕЧАТИ

О КРАСНОАРМЕЙСКОЙ ПЕСНЕ

«Красная звезда», центральный орган Народного комисариата обороны Союза ССР, посылает первую статью в номере газеты от 3 января красноармейской песни. «Песня помогла и поможет не только в боях, но и в учебе», — пишет газета. — «В минуты отдыха, на походе, по вечерам в лагерных линейках звенят быстрые и радостные народные, красноармейские песни, с которыми легко работать, учиться и побеждать. Красноармейские песни передают боевые традиции, рождая в молодежи стремление подражать народным героям в их храбрости и отваге, в их беззаветном служении родине. Песня оттачивает самое сильное в мире оружие — воинскую доблесть Красной Армии, ее бесстрашие, ее волю к победе».

Статья «Красной звезды» вмещает в обязанность подтянутых частей РККА позаботиться о том, чтобы «боевая красноармейская песня неутомимо звучала на походе, привале, в клубах». Подчеркивается огромное значение песни для боевой подготовки, для боевого и морального сплочения красноармейских частей, для укрепления воинской отваги бойцов нашей непобедимой Красной Армии. Вспоминая слова Маяковского о том, что «песня и стих — это бомба и знамя», газета пишет: «Песня должна быть постоянно с нами, как выстрел, штык, граната. Она — наше оружие, метко разящее врага».

В статье этой заключаются прямой призыв к поэтам и совершенно четкое задание авторам песен. «Бойцы, командиры и подполковники Красной Армии», — пишет газета, — «преждают счет поэтам и композиторам на новые песни, особенно песни строевые. Больше бойцов строевых напевов, сочетающихся с ритмом красноармейского шага! Больше наступательных порывов в песне!»

Этот авторитетный голос, напоминающий о том, что еще мало создано маршевых, похвальных песен, таких песен, которые бы воспитывали смелость, готовность ответить сокрушающим ударом на удар врага нашей родины, готовность увенчать то, что поимеем посягнув на границы СССР. — «Этот голос должен быть услышан советскими поэтами. Наша любимая Красная Армия относится к песне, как к оружию, как к выстрелу, штыку или гранате».

Товарищи поэты, создавайте для нашей Красной Армии оружие песен — меткое, сильное, разящее врагов и воодушевляющее смыслов социалистической родины!

НЕИЗВЕСТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ А. С. ГРИБОЕДОВА

В АЛЬБОМ Н. Н.

Приветом доброго желанья
Счастлив, кто мог хотя на час
Мне нравиться и жить у Вас
Приятностию воспоминанья.

Но тот счастливее в судьбе,
Кто Вас к мечтам любви склоняет,
Кто не в альбоме о себе,
Но в сердце память оставляет.

А. Грибоедов

Впервые публикуемое стихотворение — посвящение Грибоедова — является из рукописной тетради, принадлежавшей грузинскому поэту прошлого столетия М. Б. Туманишвили.

Никакой даты под стихотворением не имеется; можно с некоторой вероятностью сказать, что посвящено оно Нине Александровне Чавчавадзе, а дату написания отнести к 1827—28 гг.

Михаил Биртвелович Туманишвили, автор элегических стихотворений, был хорошо знаком с семьей А. Чавчавадзе, был у них в Тбилиси и в Цхинвали (летом 1838 г.), сам писал посвящение в альбом сестре Нине Александровне — Екатерине; надо полагать, что в чавчавадзевской семье он и изрек это стихотворение Грибоедова.

— Если роман разобрать на части — вновь его собрать будет очень трудно. Но что было бы, если бы разобрать на отдельные детали доклад В. Шкловского и попытаться затем собрать их?

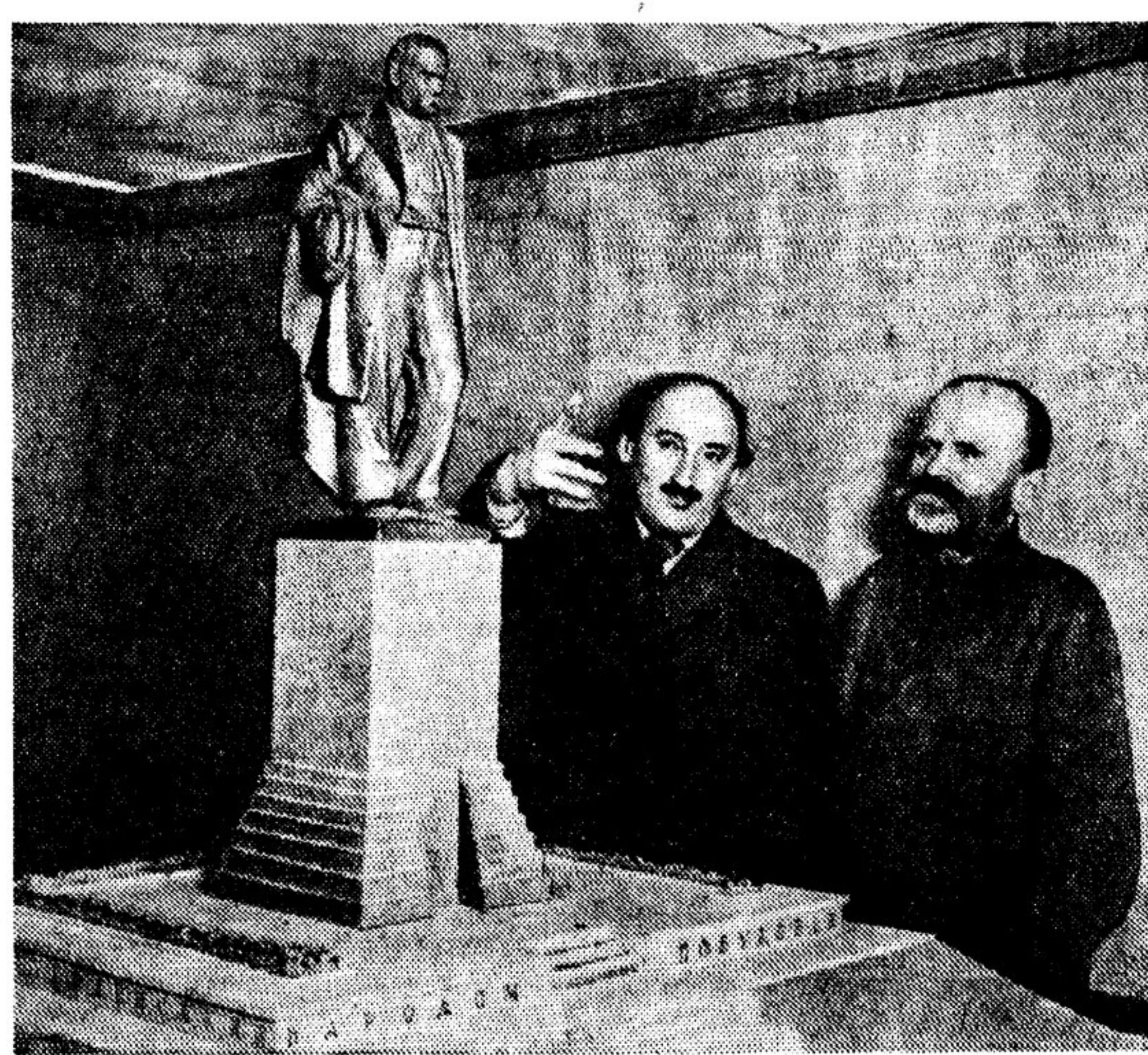
Нет слов, Шкловского было интересно слушать. Как обычно, он удивлял остротой парадоксов и неожиданными заключениями. Он приводил любопытные воспоминания и остроумные цитаты. И, пытаясь повысить профессиональную требовательность друг к другу, давал резкие оценки книгам и прямо говорил, что ему не нравится в современной литературе.

В. Шкловский говорил об «изобретательстве» и «приобретательстве» в литературе, утверждал, что в «Наших знакомых» Ю. Германа присутствует только «приобретательство». В Шкловский в «Исполнении желаний» Каверина усмотрел лишь «параллельный роман о правильном и неправильном студентах» и заявил, что в этом романе В. Каверин поставил интересную задачу: не дал «посторонние» решения». В. Шкловский резко выступил против «отрицания» и «полученного натурализма» в романах М. Слонимского, заметив, что в книге В. Вересаева «Пушкин в жизни» мы видим Пушкина, у которого отняли перо и чернила, и противопоставил книгу Вересаева роман Ю. Тынянова.

Но «кроя ардушиный вопрос рой», переживая множество проблем, стоящих перед писателями, высказывая более или менее спорные и интересные мысли о литературе и кино. В. Шкловский, как мы уже указывали, не только не «сбавил» разрозненные детали своего доклада, но часто демонстрировал их случайно и... неожиданно для себя.

В. Шкловский много говорил, например, о Ю. Германе, вернее, об одной лишь прочитанной им книге Германа «Наши знакомые». В. Шкловский откровенно и красочно описал, как лежала эта книга на столе в его комнате, в гостиной, как накануне доклада пришел к нему знакомый и, не отрываясь, прочел «Наших знакомых». Удивившись этому, В. Шкловский также прочел роман...

Но, увы, в «большом разговоре» о сов-

Тимофей Шевченко — потомок великого украинского поэта — приехал из села Шевченково в Киев. Он ознакомился со строительством памятника Тарасу Григорьевичу Шевченко. На фото: Тимофей Шевченко слушает пояснения профессора Э. Ф. Левинсона, руководящего архитектурной частью строительства памятника.

ИНТЕРЕСНАЯ ГИПОТЕЗА

История знает мало исторических примеров такого полного разгрома врага, как разгром псов-рыбарей на Чукотском озере. Народ, героически отстоявший свою родину, уничтоживший огромное, хорошо вооруженное вражеское войско, должен же сохранив в своем творчестве память об этом событии. И тем не менее ни в одной из былин, до сих пор записанных, читать не найдешь прямого упоминания о ледовом побоище.

В замечательной былине о Вольге и Микуде Селиншичиче сказитель Прохоров повествует о бое Микуды с куревскими мужиками, о том, как подольщики под этими мужиками деревянные поддельные мостики. Это былина литературовед Н. В. Воловова, сделавший доклад на последнем декаднике секции народного творчества ССП СССР, считает откликом на ледовое побоище.

— В былине искажены имена, хронология, но сами события в ней отражены, — говорит докладчик. Утверждая это, он сопоставляет быт и экономику Новгородского XIII века с бытовыми подробностями, воспроизведенными в былинке. Он останавливается на наименовании трех городов, упоминаемых в былине о Вольге и Микуде: Былинные Куревыч, Крестьяновое и Ореховец, по предположению Н. В. Воловова, на самом деле — искаженные названия исторических городов — Юрьева (Дерпта), Кольвани и Орешка, или Ореховна — городов, игравших серьезную экономическую и военную роль в жизни Новгорода XIII века.

Бой на Чукотском озере и гибель сторыбарей, провалявшихся под лед, по предположению докладчика, изображены в былине в виде боя Микуды с куревскими мужиками.

Несмотря на гипотетичность многих положений, работа г. Воловова представляет несомненный интерес. По словам председателя секции народного творчества проф. Ю. М. Соколова, работы Воловова заслуживают пробы, существовавший до сих пор в русской фольклористике.

На заседании был прочитан отчет г. А. А. Мисурова, командированного ССП СССР за сбором фольклора в горнозаводские районы Алтая. Тов. Мисурев записал большую песню-поэму о прошлом горнозаводских рабочих, а также колоритные легенды и предания об их быте. Особенный интерес представляет сказ о местном герое Кривошукке, беглом мастеровом крепостной эпохи.

С. ЖИСЛИНА

НА ПОЭТИЧЕСКОМ ДЕКАДНИКЕ

На очередном поэтическом декаднике обсуждались стихи молодых поэтов А. Коваленкова и Маргариты Алигер. Коваленков прочел четырнадцать стихотворений пейзажного и лирического характера, написанных им в последние времена.

Обсуждая стихи этих поэтов, Николай Асеев правильно характеризовал их как разрывку на уже разработанный поэтический шаблон. Довольствуясь живописностью, поэт ищет жеманности выходя, закрывая себе возможность выхода в неизвестную еще страну. Не желая «обидеть» молодого поэта, он признал правильность занятой им поэтической позиции, увидев в ней своеобразную и закономерную реакцию на декларативное пустозвонство, за которым пытаются спрятаться многие наши поэты.

В «недостаточной» поэтической смелости дипломатически упрекнул Коваленкова редактор его стихов Лев Длугач. Хорошая лепка некоторых деталей, пребывающая иногда свежая нота не искупают отсутствие глубокой мысли, сильного чувства, настоящего, полноценного лиризма в стихах А. Коваленкова. Выступавшие отметили однообразие и некую слаженность стихов Коваленкова.

Маргарита Алигер читала поэму «Зима этого года».

Она подверглась горячему обсуждению. Выступавшие резко разделились на два лагеря. И. Асеев и В. Инбер «единым фронтом» выступили против многочисленных, с их точки зрения, погрешностей поэмы, против неуместных образов, «стереотипных», стандартных строк. Вера Инбер признала, прочтем, достоинства поэмы. И. Асеев же назвал поэму М. Алигер «старомодной», аргументируя это свое заключение не слишком убедительными доводами. Маргарита Алигер поставила перед собой труднейшую тему. Она не убогает от живых вопросов современности, не шепчет их решения в легких, незначительных строчках, не обходит трудности. Она обнаружила здесь настоящее творческое зерно, хороший поэтический темперамент. Обидно, что недостатки, действительно имеющиеся в поэме, заслонили от Н. Асеева ее настоящие достоинства.

Е. Долгатовский, П. Антокольский, А. Ромм, С. Олдер, А. Бельменский дали в основном положительную оценку поэме Маргариты Алигер. По мнению многих выступавших, эта поэма — одно из наиболее значительных произведений нашей молодой поэзии.

Е. АЛЕНСЕВ

НОВЫЕ КНИГИ

ГОСПОЛИТИЗДАТ

Государственное издательство политической литературы за последние два месяца выпустило около 20 книг и брошюр в помощь изучающим «Историю Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)».

Вышли в печать книги: Маркс и Энгельс — «Манифест коммунистической партии» (250 тыс. экз.), Маркс — «Наемный труд и капитал» (250 тыс. экз.), Энгельс — «Анти-Дюринг», Плеханов — «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «Вопрос о развитии коммунистического взгляда на историю», «Очерки по историческому материализму» (200 тыс. экз.).

Издано девять книг Ленина: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов», «Задачи русской социал-демократии», «К деревенской бедноте», «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради», «О государстве». Общий тираж книг — около двух миллионов экземпляров.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

В издательстве «Советский писатель» подписан в печать и в ближайшее время выйдет в свет ряд новых книг:

«Избранные рассказы» Скитальца. В сборнике вошли семь рассказов автора, написанных в период 1900—1905 годов.

Роман М. Бэерского «Триумф» — 3-я часть большого цикла из истории Гима. (Первые две части — «Гракхи» и «Марий и Сулла» вышли ранее).

Сборник рассказов Н. Яшю «Камень у моря». В сборнике помещены рассказы из эпохи гражданской войны.

«Рассказы» Вл. Лижина, написанные автором за время 1936—38 гг. В сборнике вошли рассказы: «Сад», «Соловей», «Пастух», «Берег моря», «Мечтатель» и другие.

«Луганчане» М. Матусовского и Б. Сибинова.

Во лето Красной Армии издательство выпустит сборник песен С. Альмова.

По разделу литературоведения издательство подготовило к печати две книги из серии «Как работали классики»: Г. Чулков — «Как работал Достоевский», рассчитанную на начинающих писателей, словесников, студентов, и Л. Мышковской — «Дев Толстой, Работа и стиль», предназначенную для широкого читателя.

ГОСПОЛИТЗДАТ

В Госполитиздате в ближайшие дни выйдут из печати:

— 1-й том двухтомника Эдуарда Багрицкого о иллюстрациях поэта. В 1-й том вошли ранние стихи, циклы «Октябрь», «Море», «Трактор», «Юго-запад».

«Сборник рассказов» Максима Горького. В сборник вошли рассказы, написанные Алексеем Максимовичем в 1924 по 1925 г., среди них: «Анекдот», «Репетиция», «Голубая книга», «Об лобкахх и недостатках», «Шорник и пожар», «Орел и бык» и другие.

— «Воспоминания» — В. Вересаева.

— К годовщине Красной Армии выйдут отдельные издания «Оборонные стихи» Вл. Маяковского.

КЛАССИКИ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТВИЛИСИ. (Наш корр.). Сектор художественной литературы Госиздата Грузии большое место в плане закончившегося года уделял классикам грузинской литературы. С начала года вышла из печати поэма «Вирамани» — классический памятник грузинской литературы XII века. Последнее издание отличается от предыдущих тщательнейшим и критическим изучением имеющихся вариантов и рукописей поэмы. Книга вышла под редакцией С. и предисловием А. Барамидзе и К. Кекелидзе. Также вышли и поступили в продажу: книга Саба-Сулхан Орбелиани «Мудрость и ложь» под редакцией и с предисловием С. Иорданшвили; однотомник писателя А. Казбеги, куда вошли лучшие его произведения — «Алисо», «Эдугда», «Отмеченный» и др. IV том сочинений Г. Эрстави (драматические произведения); II том писем Г. Орбелиани под редакцией А. Гоцрекли.

Судения Лермонтова о музыке, так часто встречающиеся в его произведениях, говорят о большой музыкальной культуре, о зрелости и остроте критической музыкальной мысли.

Первая радиопередача лермонтовского цикла должна познакомить слушателей с интереснейшим, но почти неизвестным об- ликом поэта-музыканта.

Один из литературно-музыкальных радиоконцертов специально посвящен мало-разработанной теме: «Лермонтов и Балакирев». В творчестве крупнейшего русского композитора, плеядога «Могучей кучки» — М. Балакирева поэзия Лермонтова занимает едва ли не центральное место. Балакиреву принадлежат лучшие романсы на лермонтовские тексты и выданоется симфоническое произведение — поэма «Тамара».

В качестве музыкальных иллюстраций в лермонтовском цикле будут исполнены среди других произведений композитора, которые играл или пел сам Лермонтов (скапичный концерт Маурера. Фрагмент из опер: «Семирамида» Россини, «Немая из Портчи» Обера), а также интересные романсы на тексты Лермонтова, музыка к которым написана поэтом Огаревым и знаменитой артисткой Полиной Виардо.

В программе «Чтения» Институт литературы включает: исследование биографии А. М. Горького, работы, связанные с творческой историей, раскрытием идей и образов отдельных произведений, исследование языка и стиля произведений А. М. Горького, доклады, посвященные историко-литературной, литературно-критической и публицистической деятельности Алексея Максимовича. В круг вопросов, которые будут освещены на «Чтениях», войдут и темы о роли Горького в развитии народного творчества и литературе братских республик, о влиянии Горького на западноевропейскую и на восточные литературы и т. п.

К докладам, которые будут заслушаны на «Горьковских чтениях», институт предъявляет высокие требования: это должны быть работы, дающие оригинальную концепцию и построенные на конкретном материале, но опубликованном или не опубликованном в зависимости от содержания второго собрания «Горьковские чтения».

Лучшие работы составят содержание второго собрания «Горьковские чтения».

Институт литературы им. А. М. Горького начал подготовку ко второму «Горьковским чтениям», которые состоятся в Москве между 15 и 20 июня 1939 года. Чтобы обогатить научную работу над изучением жизни и творчества А. М. Горького, институт обратился с письмом к научным учреждениям и высшим учебным заведениям Советского Союза, а также к отдельным исследователям с просьбой принять участие в предстоящих «Горьковских чтениях».

Показаны новые картины. Все это хорошо!

Ю. ИСАКОВ
Ленинград.

О. МИРТОВ

Умерла старшая писательница Ольга Эммануиловна Розенфельд, выступавшая в литературе под именем О. Миртов. Тридцать пять лет своей жизни она отдала литературе. Ее произведения отличались ясным, чистым языком, стремлением к постановке больших вопросов общественной жизни.

Внучка П. Л. Лаврова, покойная писательница в юности была связана с демократическими кругами интеллигенции. Она работает на голоде 1899 года, участвует в революционном движении, долгие годы (вплоть до революции 1905 года) проводят в ссылке. Ранние ее произведения были посвящены жизни политических ссыльных.

В творчестве О. Миртова отразились и колебания, характеризовавшие известные группы интеллигенции, жестокие ошибки. Но писательница находила в себе силы преодолевать настроения, уходившие в сторону от передовых движений времени, от народа.

Преодолевав предрассудки, О. Э. стремилась к тому, чтобы ее несомненное дарование, ее знание жизни помещиц, крестьянкой и старинной интеллигентской России служило на пользу Великой Октябрьской социалистической революции. Ей были свойственны страстная любовь к литературе, громадное трудолюбие, острота писательского глаза.

В произведениях, написанных ею после 1917 года, мы видим напряженное желание понять новых людей и их дела, форму жизни. Болезнь мешала ей осуществить мечту о поездках в те места, которые изображала она в своих дореволюционных произведениях, мечту о том, чтобы изобразить новую жизнь с той же художественной конкретностью, с какой изображала в ее произведениях дореволюционная действительность.

О. Э. жадно слушала критические замечания: неудачи не ослабляли ее волю. Вновь и вновь возвращалась большая писательница к написанным главам, перерабатывала их. Она хотела быть полезной и нужной советским людям.

Настоящий художник, настоящий светский человек, отдавший много сил, сил, подорванных болезнью, на то, чтобы не отстать от эпохи, быть ей полезной, — такую мы помним Ольгу Эммануиловну, эти она дорога нам. Мы знаем и те ее произведения, которые она еще не успела закончить. Она работала над двумя романами, из которых один был посвящен советским людям, а другой, начатый ею незадолго до смерти, граничный по замыслу, должен был явиться художественной историей русской интеллигенции с конца XIX века до наших дней. Первые написанные главы этого романа отличались значительностью содержания, художественной остротой.

Вся жизнь О. Э. была жизнью писателя. Она работала буквально до последней минуты, героически преодолевая болезнь, и умерла от разрыва сердца, держа в руках перо.

Караева, Федин, Серафимович, И. Новиков, Павленко, Л. Соболев, засл. арт. респуб. орденосец Жаров, Городецкий, Яковлев, Бобочин, Никулин, Финн, Ложнев, Ерилов, Авалис, засл. арт. республики Юрвенева, Маршан.

ЛЕРМОНТОВ В МУЗЫКЕ

Всесоюзный радиокомитет готовит цикл литературно-музыкальных передач, посвященных М. Ю. Лермонтову.

Великий поэт обладал незаурядными и многогранными музыкальными способностями. Лермонтов пел, свободно играл на рояле, скрипке, флейте. По словам его биографа Висковатова, сам поэт был первым композитором, положившим на музыку знаменитую «Казачью колыбельную песню».

Суждения Лермонтова о музыке, так часто встречающиеся в его произведениях, говорят о большой музыкальной культуре, о зрелости и остроте критической музыкальной мысли.

Первая радиопередача лермонтовского цикла должна познакомить слушателей с интереснейшим, но почти неизвестным об- ликом поэта-музыканта.

Один из литературно-музыкальных радиоконцертов специально посвящен мало-разработанной теме: «Лермонтов и Балакирев». В творчестве крупнейшего русского композитора, плеядога «Могучей кучки» — М. Балакирева поэзия Лермонтова занимает едва ли не центральное место. Балакиреву принадлежат лучшие романсы на лермонтовские тексты и выданоется симфоническое произведение — поэма «Тамара».

В качестве музыкальных иллюстраций в лермонтовском цикле будут исполнены среди других произведений композитора, которые играл или пел сам Лермонтов (скапичный концерт Маурера. Фрагмент из опер: «Семирамида» Россини, «Немая из Портчи» Обера), а также интересные романсы на тексты Лермонтова, музыка к которым написана поэтом Огаревым и знаменитой артисткой Полиной Виардо.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Отдел партийной жизни редакции «Литературной газеты» созывает совещание членов парткомов издательства «Молодая гвардия», Детиздата, Госполитиздата и «Советский писатель» для обсуждения вопроса.

Роль парткома в работе издательства. Совещание состоится в помещении редакции 13 января 1939 г. в 7 часов вечера.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВА, К. КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЙТИНСКАЯ.